

CONTEMPORARY EURASIAN STUDIES

Academic journal

Issue 3

Saratov, 2014

СОВРЕМЕННЫЕ ЕВРАЗИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал

Выпуск 3

Саратов, 2014

УДК 327(4/5)(082)

ББК 66.4(0)я43

С56

Учредители:

Научно-образовательный центр изучения стран СНГ и Балтии
ИИМО СГУ им. Н. Г. Чернышевского
Фонд поддержки научных исследований «Мастерская евразийских идей»

Главный редактор

Голуб Юрий Григорьевич, д.и.н., профессор (г. Саратов, Россия)

С56

Современные евразийские исследования: Научный журнал / Под
ред. Голуба Ю.Г. – Саратов, 2014. – Вып. 3. – 64 с.

ISSN 2312-2501

Редакционная коллегия:

ответственный редактор – **Лапенко Марина Владимировна**
к. и. н., доцент (г. Саратов, Россия)
Аршинов Юрий Евгеньевич, к. и. н. (г. Саратов, Россия)
Цыплин Виталий Геннадьевич, к.и.н., профессор (г. Саратов, Россия)
Балякин Артем Александрович, к. ф.-м. н. (г. Москва, Россия)
Миронов Сергей Петрович, к. и. н. (г. Саратов, Россия)
Алексеев Денис Сергеевич, к. и. н., доцент (г. Саратов, Россия)
Эсенгул Чинара, к. п. н., зам. директора НИСИ (г. Бишкек, Кыргызстан)
Абен Даурен Абенулы, ст. научный сотрудник КИСИ (г. Алматы, Казахстан)
Лешуков Владимир Сергеевич, к. п. н. (г. Саратов, Россия)
Абидулин Алим Маратович, к. и. н. (г. Нижний Новгород, Россия)

Редакционный совет:

Черевичко Татьяна Викторовна, д.э.н., профессор, (г. Саратов, Россия)
Чернова Лариса Николаевна, д.и.н., профессор (г. Саратов, Россия)
Шенин Сергей Юрьевич, д.и.н., профессор (г. Саратов, Россия)
Замогильный Сергей Иванович, д. ф. н., профессор (г. Саратов, Россия)
Кузнецов Игорь Иванович, д. п. н., профессор (г. Москва, Россия)
Лепский Максим Анатольевич, д. ф. н., профессор (г. Запорожье, Украина)
Атанесян Артур Владимирович, д. п. н., профессор (г. Ереван, Армения)

Экспертная группа:

Балаян Аркадий Артурович, к. и. н., Трофимчук Григорий Павлович,
Сажнов Александр Николаевич, Базарбаев Амангельды Аскарлович

*Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.*

УДК 327(4/5)(082)

ББК 66.4(0)я43

ISSN 2312-2501

© Саратовский государственный
университет, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Шенин С.Ю. Участие США в Первой мировой войне: экономический аспект	8
Галямичев А.Н. Первая мировая война, 500-летие со дня трагической гибели Яна Гуса и возникновение Чехословацкой Республики	13
Варфоломеев Ю.В. Проблема измены и шпионажа в годы Первой мировой войны: слухи, факты, расследования (по материалам чрезвычайной следственной комиссии временного правительства)	17
Чолахян В.А. Первая мировая война: Кавказский фронт, проблемы беженцев и депортированных.....	24
Замогильный С.И. Особенности миграций украинцев в Канаду в межвоенный и послевоенный период.....	31
Баранов А.В. Политика исторической памяти в Украине о Великой Отечественной Войне: актуальные проблемы	34
Цыплин В.Г. Специфика служебно-боевых задач войск НКВД в странах Европы	40
Ташпекова А.Т. Народное творчество в период Великой Отечественной Войны.....	44
Гузеев Д.А. Реформа военного образования, перестройка системы подготовки офицерских кадров для войск внутреннего предназначения с учетом реалий мирного времени.....	50
Васильченко М.А. Мероприятия по сохранению боеспособности национальных воинских формирований в условиях разложения фронта и тыла (на примере Чехословацкого корпуса)	56
Наши авторы	61

CONTENTS

Introduction	7
Shenin Sergei Participation of the USA in the First World War: the Economic Aspect	8
Galyamichev Alexander The First World War, 500-Year Anniversary of the Tragic Death of Jan Hus and The Creation of the Czechoslovak Republic.....	13
Varfolomeev Yuriy Problems of Treason and Espionage during the First World War: Rumors, Facts, Investigation (Based on Materials Extraordinary Commission of Inquiry Provisional Government).....	17
Cholakhian Vachagan First World War: The Caucasian Front, Problem of Refugees And Deportees.....	24
Zamogilny Sergei Peculiarities of the Ukrainians' Migrations to Canada during the Interwar and After war Periods	31
Baranov Andrey Policy of Historical Memory in Ukraine on the Great Patriotic War: Actual Problems	34
Tsyplin Vitaly The specifics of the Service-Combat Tasks of the Troops of the NKVD in Europe	40
Tashpekova Alma Folk art during the Great Patriotic War	44
Guzeev Dmitry Reform of Military Education, The Restructuring of the System of Training Officers for the Army and Internal Purposes Taking into Account the Realities of Peace-Time	50
Vasilchenko Maxim Measures to Maintain the Combat Readiness of the National Military Formations in Terms of the Decomposition Front and Rear (on the Example of the Czechoslovak Corps)	56
Authors	61

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели, вашему вниманию предлагается очередной выпуск журнала. Выпуск несколько необычный. Он содержит статьи, подготовленные на основе материалов двух созвучных научных мероприятий – конференции «Война, изменившая мир: к 100-летию Первой мировой войны» и всероссийской интернет-конференции «Историческая память и современные оценки Второй мировой войны».

Такое объединение в одном журнале проблематике двух мировых войн вполне объяснимо. Эти войны существенным образом связаны между собой. Есть даже точка зрения, что в XX веке имело место одна мировая схватка, растянувшаяся более чем на три десятилетия.

100 лет назад начался планетарный конфликт, перевернувший всё мироустройство, захвативший в водоворот боевых действий едва ли не половину мира, приведший к развалу могущественных империй и к огромным людским потерям.

Вторая мировая война, 70-летие окончания которой будет отмечаться в 2015 году, вошла в историю как самая разрушительная и кровопролитная. Итоги этой войны повлекли за собой еще большее глобальное переустройство и формирование современной системы международных отношений.

Отсюда вполне понятный интерес историков к этим событиям.

23 сентября 2014 года в Саратове в Мемориальном комплексе регионального учебного центра ракетных войск и артиллерии прошла конференция «Война, изменившая мир: к 100-летию Первой мировой войны».

23–26 сентября 2014 года на базе НОЦ изучения стран СНГ и Балтии и Фонда поддержки научных исследований «Мастерская евразийских идей» прошла всероссийская интернет-конференция «Историческая память и современные оценки Второй мировой войны», которая стала подготовительным этапом празднования 70-летия победы в Великой Отечественной войне в России и Содружестве Независимых Государств.

Вошедшие в журнал публикации – это дань памяти нашим предкам, участникам Первой и Второй мировых войн. Миллионы людей в те далёкие годы отдали свою жизнь, защищая Родину. Их подвиг не должен быть забыт.

Год столетия начала Первой мировой совпал с переломными событиями в жизни нашей страны, наших соседей и всего мира. Те зарубежные силы, которые хотели бы изолировать и ослабить Россию, вовлекли Европу, и не только Европу, в новый виток напряжённости и конфронтации. Вот почему, чтобы избежать новых трагедий и восстановить нормальный диалог важно постоянно обращаться к историческим урокам мировых войн.

Голуб Ю.Г., главный редактор журнала, д. и. н., профессор, директор Института дополнительного профессионального образования, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России СГУ им. Н.Г. Чернышевского

Шенин С.Ю.

УЧАСТИЕ США В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Данная статья посвящена изучению проблемы истоков американского экономического «чуда», именуемого «просперити», имевшего место после Первой мировой войны. В частности, в статье показаны данные о военном кредитовании американским частным сектором и правительством европейских союзников, а также влиянии этих процессов на послевоенное восстановление. Кроме того, здесь анализируются данные по динамике экономического развития США во время и после Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, изоляционизм, американская экономика, кредиты европейским державам, государственное управление, «просперити».

Shenin Sergei

PARTICIPATION OF THE USA IN THE FIRST WORLD WAR: THE ECONOMIC ASPECT

This article is devoted to studying the origins of the American economic «miracle», called «prosperity», which took place after the First World War. Specifically, the data about the American private banks credits and Federal Government lending to the European allies are presented in the article. Besides, the influence of these loans on the post-war recovery and dynamics of the American economic development during and after the First World War are also analyzed.

Keywords: First World War, isolationism, American economy, loans to European powers, state administration, «prosperity».

Как известно, американское правительство с самого начала стремилось избежать участия в Первой мировой войне. Это было связано с несколькими причинами. Так, противоречия между США и странами «четверного союза» еще не достигли той остроты, которая приводит к военным действиям. Кроме того, большая часть населения считала, что Америка не должна вмешиваться в дела Европы, так же, как и Европа – в дела США. Надо отметить и то, что американское правительство просто не было готово участвовать в такой масштабной войне, поскольку армия традиционно формировалась на добровольной основе, насчитывала около 100 тысяч человек и была плохо обучена. Наконец, руководство страны было твердо уверено, что война не продлится более года, и, поэтому, нет смысла начинать мобилизацию.

Тем не менее, как известно, ход военных событий радикально изменил отношение США к войне. Главным из них, стало торпедирование крупнейшего в мире пассажирского лайнера «Лузитания», принадлежавшего Британии, немецкой подводной лодкой 7 мая 1915 года. Из 1800 пассажиров 1200 погибли. Среди них 128 человек были гражданами США.

Это преступление немецкого командования вызвало бурю негодования в Америке. Но даже после этого, несмотря на жесткие ноты протеста и угрозы со стороны США вступить в войну на стороне Антанты, немцы продолжали нападать на американские корабли. Кроме того, достоянием гласности стала так называемая «телеграмма Циммермана», в которой немецкий министр иностранных дел убеждал мексиканское правительство начать войну против США, что должно было отвлечь американцев от европейского театра военных действий.

Президент США Вудро Вильсон не являлся сторонником жесткого внешнеполитического курса на «изоляционизм». Однако в начале войны он предпочитал следовать за общественным мнением, которое требовало не вмешиваться в войну, охватившую Старый Свет. Тем не менее, очень скоро провокации со стороны Германии заставили его объявить о переходе США к политике «вооруженного нейтралитета» (об этом было объявлено 26 февраля 1917 г.), которая означала разрыв дипломатических отношений между двумя государствами. Затем, осознав неизбежность американского прямого участия в войне, 6 апреля 1917 года Вудро Вильсон объявил о вступлении США в Первую мировую войну на стороне Антанты.

Для того, чтобы подготовить американскую армию к участию в войне, в США был принят закон о всеобщей воинской повинности. Из резервистов, которые должны были служить, правительство сформировало пятимиллионную армию. Правда, экспедиционный корпус, отправленный воевать в Европу, насчитывал только один миллион человек. Командовать корпусом был назначен генерал Джон Першинг.

Высадившись на континенте, американцы поначалу не проявили себя как умелые солдаты – сказывалось отсутствие опыта. Командование Антанты частенько выражало свое неудовлетворение тем, как воевали новобранцы из США. Однако, постепенно, пользуясь поддержкой союзной артиллерии, авиации и танков, американцы стали воевать более уверенно и, в конечном итоге, внесли свой достаточно весомый вклад в контрнаступление, которое отбросило кайзеровские войска к франко-германской границе.

Как известно, в ноябре 1918 года Германия, под давлением социально-экономических причин, была вынуждена капитулировать. Хотя европейские потери, человеческие и материальные, были весьма велики (например, за время войны погибло 26 миллионов человек, половина из которых были гражданскими лицами), США, вступив в войну, фактически, на заключительном этапе, потеряли на фронтах Первой мировой лишь 104 тыс. человек.

В результате войны соотношение сил в мире резко изменилось. Так, война спровоцировала целую волну революций. Например, в России была свергнута монархия, а к власти пришло правительство большевиков. Кроме того, распались и две другие европейские империи – германская и австро-венгерская. В результате военных действий Европа экономически значительно ослабла, в то время как

США, используя военную конъюнктуру, сумели получить мощнейший импульс для своего развития.

Так, одобренный американским Конгрессом военный бюджет предусматривал колоссальные государственные капиталовложения в экономику – например, только в 1917–1918 годах правительством было инвестировано свыше 35 млрд. долл., что составляло 60% ВВП страны. Очень важным было и то, что для поддержания своей боеспособности страны Антанты размещали военные заказы в Америке. Благодаря многочисленным военным контрактам чистая прибыль американских корпораций выросла с 1914 г. до заключения Версальского договора в 2,5 раза. Быстрыми темпами проходило капитальное строительство, вдвое выросла сумма капитала, инвестированного в промышленность. Сбор пшеницы в США увеличился с 1913 по 1918 г. в 1,5 раза. Очень показательным для военной экономики США стал факт появления в стране 17 тысяч новых миллионеров [4, с. 202–203].

Все вышеперечисленные факты позволяют многим исследователям утверждать, что США в результате участия в войне создали базис для превращения в державу, претендующую на мировое лидерство [5, С. 279]. Однако, существуют и мнения, что дальнейший взлет экономики США не зависел от непосредственного участия в войне (как экономического, так и военного).

Например, согласно расчетам экономиста Дж. Кларка, Первая мировая война обошлась США в сумму около 40 млрд. долл. Взамен Америка увеличила экспорт своих товаров в Европу с 1,5 млрд. долл. в 1913 г. до 4 млрд. долл. в 1917 г. Соответственно, доходы американских корпораций выросли на сумму около 8 млрд. долл. [6, Р. 112]. Конечно, это достаточно большие деньги по тем временам, однако, необходимо отметить, что не поставлять оружие, обмундирование и продовольствие для Антанты Америка не могла – для Европы это был единственный источник поставок, как они сами называли «арсенал демократии». В противном случае европейские союзники были обречены на поражение. Что касается цен, то они в целом были довоенными.

Если взять в расчет долг США перед европейскими странами, то до войны он составлял 7,2 млрд. долл. Однако, когда во время войны у европейцев закончились средства на покупку необходимого в Америке, они активно кредитовались в частных американских банках, где к моменту вступления США в войну было заимствовано 14 млрд. долл.

С 1917 г. американское правительство стало выделять государственные займы различным воюющим странам – всего было передано займы около 10 млрд. долл. для покупки военной продукции и послевоенного восстановления. Деньги давались под 5% годовых на 62 года. В результате, после войны уже долг европейских стран составил 24 млрд. долл. Тем не менее, американские банки и американское правительство не смогли на этих займах заработать – по разным подсчетам (учитывая такие мероприятия как план Дауэса и план Янга) вернуть реально удалось от 10 до 25% стоимости кредитов [3, с. 8].

Таким образом, совсем не финансовые операции военного времени стали основой американского послевоенного лидерства. А то, что это лидерство отчетливо обозначилось, например, уже в 1921 году, когда, имея всего 6% населения планеты, США производили до 50% мирового промышленного производства, сосредоточили в своих руках 66% мировой добычи нефти, 50% угля, 20% золота, 85% ав-

томобилей. При этом многие исследователи недооценивают то, каким экономическим гигантом США были уже в начале XX века. Например, в 1913 г. доля США в мировом промышленном производстве составляла 32% (больше чем у Германии и Англии вместе взятых); производство стали составляло 31,8 млн. т. (больше чем у Германии, Англии и России вместе взятых); потребление электроэнергии составляло 541 метрических т. угольного эквивалента (почти столько же сколько у Германии, Англии, России, Франции и Австро-Венгрии вместе взятых); и т. д. Очевидно, что страна уже к 1913 г. была великой экономической державой, хотя формально пока и не входила в мировой баланс сил [2].

Влияние войны на американскую экономику было разнонаправленным. Так, активизация военного производства в первые годы войны ни как не сказалась на ВВП США – он лишь слегка просел в первые два года. Только в 1917–1918 гг. последовал резкий рост, который был обусловлен значительным ростом военных заказов. Однако после окончания войны последовало не менее резкое падение ВВП, вызванное неизбежной реконверсией. В 1920 г. ВВП страны был практически на уровне 1913 г.

Кроме того, необходимо указать и на то, что сразу после войны дал о себе знать американский «естественный» изоляционизм. В результате, как известно, США отказались от участия в Лиге наций, резко сократили затраты на армию и флот (они опустились ниже уровня 1913 г.), торговля с Европой тоже была хуже довоенной из-за низкой покупательной способности на континенте. Правда, американский внутренний рынок активизировался за счет военных накоплений и возврата денег по «займам свободы». Но, в целом, ни общество, ни предпринимательские круги не рассчитывали поживиться за счет Европы, скорее обострилось желание не участвовать в новых европейских авантюрах и войнах, которые неизбежно ожидалось в скором времени.

Торможение экономики после войны означало, что военные вложения не имели краткосрочного эффекта. Тем не менее, начиная с 1923 г. начался стремительный рост американской экономики, который в литературе получил название периода «просперити», и был он, действительно, связан напрямую с участием США в Первой мировой войне.

Долгосрочный эффект войны на американскую экономику был связан с тем, что правительство США пошло на беспрецедентные меры государственного контроля над экономикой. Так, Закон о федеральном контроле, принятый 21 марта 1918, перевел все железные дороги страны под начало специально созданного военного управления железных дорог, которое должно было покончить с конкуренцией и обеспечить строгую координацию их деятельности. Военно-промышленное управление было наделено расширенными полномочиями контроля над предприятиями с целью стимулировать производство и не допустить ненужного дублирования. Закон о контроле над продуктами питания и топливом (принятый Конгрессом в августе 1917 г.) позволил зафиксировать цены на пшеницу на высоком уровне, а также ввести с целью увеличения поставок продовольствия в армию т. н. «безмясные» и «беспшеничные» дни. Ведомство по контролю за топливом также предприняло жесткие меры в отношении производства и распределения топливных ресурсов [1, с. 12].

В целом, эти меры стали очень важным шагом на пути укрепления роли государства в экономике, что обусловило эффективное использование государственных инвестиций, разработку и внедрение новых технологий, которые создавались в военном секторе за счет правительственных средств и которые потом позволили дать толчок стремительному развитию американской экономики после окончания периода реконверсии.

Впоследствии этот чрезвычайно удачный опыт, этот рецепт экономического развития неоднократно применялся американским руководством даже в условиях отсутствия реальных войн, например, Р. Рейганом, который в начале 1980-х гг. провозгласил войну с «империей зла» (СССР) и предложил в ее рамках высоко-технологичную программу «звездных войн». Последовавшая за этим военная истерия стимулировала приток государственных инвестиций в военный сектор, а разработанные за этот счет высокие технологии, в конечном итоге, ушли в гражданский сектор и легли в основу нового цикла развития в 1990-е гг., очень, кстати, похожего на период «просперити».

Литература:

1. История США / под ред. Г.Н. Севостьянова. Т. 3. 1918–1945. М.: Наука, 1985.
2. Кирилл В. Нажились ли США на Первой мировой войне? (URL: <http://vakhnenko.livejournal.com/46942.html>)
3. Попов Г.Г. Мировые войны и трансформация финансов ведущих стран мира (URL: ineson.org/docs/Popov.doc)
4. Толмачева Р. Экономическая история: генезис рыночной экономики. М.: Дашков и К, 2003.
5. Экономическая история зарубежных стран / Н.И. Полетаева, В.И. Голубович и др. Минск: Интерпрессервис, 2002.
6. Clark J. The costs of the World War to the American people. Michigan, 2002.

Галямичев А.Н.

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА,
500-ЛЕТИЕ СО ДНЯ ТРАГИЧЕСКОЙ ГИБЕЛИ ЯНА ГУСА
И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

В статье рассматривается значение 500-летия со дня трагической гибели Яна Гуса в истории возрождения чешской государственности. Проанализировано своеобразие восприятия образа Яна Гуса в Чехии и в России в годы Первой мировой войны. Показана роль гуситского наследия в идеологическом обосновании создания Чехословацкой республики.

Ключевые слова: Ян Гус, Первая мировая война, Чехословацкая Республика.

Galyamichev Alexander

**THE FIRST WORLD WAR,
500-YEAR ANNIVERSARY OF THE TRAGIC DEATH
OF JAN HUS AND THE CREATION OF THE CZECHOSLOVAK REPUBLIC**

The article discusses the importance of the 500-anniversary of the tragic death of Jan Hus in the history of the revival of Czech statehood. Analyzed the originality of perception of the image of Jan Hus in Bohemia and Russia during the First World War and the role of the Hussite heritage in the ideological justification of the creation of the Czechoslovak Republic.

Keywords: Jan Hus, The First World War, the Czechoslovak Republic.

Одним из важных последствий Первой мировой войны стал распад Австро-Венгрии и образование в Центральной и Юго-Восточной Европе новых независимых государств, к числу которых принадлежала Чехословацкая республика.

Когда война, к развязыванию которой правящие круги Австро-Венгрии приложили немалые усилия, начиналась, предсказать такой поворот событий было очень трудно. В чешском общественном движении начала XX века достаточно прочно утвердилась идеология австрославизма, сутью которой была мысль о желательности сохранения Дунайской монархии, в рамках которой при условии автономизации чешские земли должны были обрести оптимальные для их дальнейшего развития условия [4, с. 262–265].

Начало войны не обозначило решительного поворота в позиции чешской общественности, но по мере умножения и углубления проблем, порождаемых затянувшимся военным противостоянием, постепенно стали набирать силу не только антивоенные, но и антиимперские, антиавстрийские настроения.

Положение радикальным образом изменилось в 1915 году, когда на фоне нарастания бедствий войны среди чешской общественности возобладали идеи борьбы за возрождение национальной государственности, поддержанные правительствами стран Антанты.

Разделительным рубежом между старым и новым, точкой отсчёта истории целенаправленной борьбы за обретение государственной независимости стала важнейшая дата чешской национальной истории, пришедшаяся на 1915 г.: 6 июля исполнялось 500 лет со дня трагической гибели Яна Гуса на Констанцском соборе.

Подготовка к этому юбилею началась задолго до 1915 г. и начала Первой мировой войны.

Центральным событием торжеств, как и планировалось, стало открытия памятника Яну Гусу в центре Праги, на Староместской площади, с которой связаны многие знаменательные страницы истории чешского средневековья, в том числе и гуситской эпохи. Первый конкурс проектов памятника Гусу был объявлен ещё в 1891 г., а в 1901 г. во втором конкурсе победа была присуждена скульптору Ладиславу Шалоуну.

Л. Шалоун выполнил памятник в духе утвердившегося в чешском искусстве на рубеже XIX и XX вв. стиля сецессии. В произведениях представителей этого стиля образ Гуса был отмечен чертами повышенной духовности, «нездешности» идеалов великого чеха [см. 5, с. 187].

Понимаемый таким образом, образ Гуса мог толковаться как символ глубокой, неразрывной связи чешского народа с западно-европейской, в особенности немецкой духовной культурой, с представлениями о Гусе как, прежде всего, предшественнике лютеровской реформации, которые уходили корнями к знаменитым словам самого Мартина Лютера и в течение столетий продолжали жить среди европейских протестантов.

Однако образ Гуса имел и иные грани. Начиная с эпохи Чешского национального Возрождения, он воспринимался как символ борьбы чехов против немецкого мира, составлявшего, с точки зрения основоположника чешской историографии Ф. Палацко, смысл чешской истории, что нашло отражение в его монументальной «Истории чешского народа», первое чешское издание которой было опубликовано в 1848 г. [9, с. 19].

Осмысление места Гуса в чешской и всемирной истории в течение долгих лет привлекало к себе внимание лидера чешского общественного движения начала XX века Т.Г. Масарика, который дал ему своеобразное истолкование. «Цель Масарика – философа и политика, – отмечает в специальном исследовании этого вопроса современный российский учёный Г.П. Мельников, – духовное возрождение нации на основе рецепции чешским обществом идей западного либерализма. Поэтому Ян Гус трактуется им как чисто духовно-религиозный лидер нации в прошлом, чья деятельность могла бы дать чешскому народу великую будущность, но была прервана насильем, из-за которого случились все последующие беды Чехии» [5, с. 189].

Хранителем духовного наследия Гуса, по мысли Т.Г. Масарика являлась Община чешских братьев, павшая жертвой католической контрреформации и ушедшая в прошлое после смерти её последнего епископа – великого мыслителя и педагога Яна Амоса Коменского.

Таким образом, Т.Г. Масарик обосновывал тезис о противоположности между чешской и австрийской идеями. Содержание первой составляли реформация и гуманизм, сутью второй были контрреформация, подчинённости церковному и государственному авторитету. Поэтому возрождение чешской идеи для Т.Г. Масарика предполагало борьбу с австрийским господством, в довоенный период – под флагом федерализации Австро-Венгрии. В годы войны на основе этих идей Т.Г. Масарик обосновывал необходимость создания независимого государства [5, с. 191].

Выехав в начале Первой мировой войны в Италию, а затем – в Швейцарию, он вступил в активные переговоры с лидерами стран Антанты и США. С их согласия и одобрения в июне 1915 года (в преддверии 500-летия со дня гибели Яна Гуса) было создано правительство (в изгнании) нового государства, в состав которого с согласия лидеров мировых держав должна была войти также Словакия. Выступая 6 июля 1915 г. в Женеве, Т.Г. Масарик подчёркивал, что «наша реформация ещё не закончена», а гуситство является тем «национальным идеалом», который чехам предстоит осуществить в грядущем [8, с. 330]. Таким образом, гуситское наследие было представлено в качестве духовной основы развития будущего Чехословацкого государства, основы, связанной, прежде всего, с духовными исканиями западной цивилизации.

Важную роль в возрождении независимости Чехии сыграла Россия, в которой юбилей Гуса вызвал огромный общественный резонанс и воспринимался иначе, чем в самой Чехии. Для русского общественного мнения Гус олицетворял идеи славянского братства в его вековой борьбе против немецкой агрессии. Один из основателей образованного в Москве в 1915 г. Русско-Чешского общества имени Яна Гуса, которое выступило в качестве главного организатора юбилейных мероприятий памяти Яна Гуса [см. 7], публицист, архивист и историк И.С. Беляев, отражая настроения широких кругов русского общества, писал: «Нам – хоть раз в году нужно вспомнить не огонь костра Гуса, а огонь его проповеди, проникнуться его заветами, что в единении славянства наша общая сила и слава, наше будущее, наша свобода, наша самобытность, наша самостоятельность. Вечная память Гусу и да здравствует единение славянства!» [1, с. 400].

Именно в России была создана первооснова будущей Чехословацкой республики – национальные вооружённые силы. Уже осенью 1914 г. на добровольных началах в Киеве была создана Чешская дружина, в которой с первых шагов существования культивировался дух гуситских воинских традиций [см. 3, с. 103–108]. В 1915 г. она пополнилась захваченными в ходе боёв на Юго-Западном фронте пленными и была преобразована в полк имени Яна Гуса. В 1916 году была сформирована бригада в составе трёх полков, причём 1-й её полк сохранил имя Гуса, а 2-му было присвоено имя Яна Гуса и Яна Жижки. В 1917 году на основе бригады был создан Чехословацкий корпус.

Поддерживая идею создания чешских воинских частей, русское правительство надеялось укрепить позиции России в Центральной Европе, основываясь на настроениях части чешской общественности, в особенности русских чехов, уже в первые дни войны высказавших мысль о желательности приглашения на чешский королевский престол одного из представителей династии Романовых [см. 6, с. 36–45].

В конечном счете, в среде чешской общественности возобладали прозападные настроения, а Чехословацкий корпус оказался под контролем Чехословацкого национального совета, возглавляемого Т.Г. Масариком [см. 2, с. 140–144].

Оказавшись вовлечённым в Гражданскую войну, в нашей стране он сыграл меньшую роль в возрождении чешской государственности, нежели это предполагалось при его создании. Однако в любом случае его место в процессе становления нового государства и его вооружённых сил видится весьма значительным.

Чехословацкая республика была создана в 1918 году, когда отмечалась 300-летняя годовщина восстания чешских сословий, положивших начало Тридцатилетней войны, в огне которой Чехия утратила независимость.

Важными вехами на пути к этому событию стало начало Первой мировой войны и 500-летие со дня трагической гибели Яна Гуса.

Литература:

1. *Беляев И.С.* К 500-летию кончины Яна Гуса (23 июня 1415–1915 гг.) // Русский архив. Историко-литературный сборник. 1915. Кн. II. Вып. 8. С. 394–400.
2. *Васильченко М.А.* Т.Г. Масарик и автономизация чехословацких частей в России // Славянский сборник. Саратов, 2011. Вып. 9. С. 140–144.
3. *Васильченко М.А., Галямичев А.Н.* Преодолевая столетия (Воинские традиции гуситов в Чехо-Словацком корпусе // История и историческая память. Саратов, 2010. Вып. 2. С. 103–108.
4. Краткая история Чехословакии. М., 1988.
5. *Мельников Г.П.* Ян Гус и гусизм в философии чешской истории Т.Г. Масарика // Полвека в славяноведении. Сборник научных трудов, посвящённых юбилею заслуженного профессора МГУ Л.П. Лаптевой. М., 1913. С. 186–193.
6. *Муратов А.А.* Две аудиенции русских чехов у Николая II в августе 1914 г. // Славянский сборник. Саратов, 2011. Вып. 9. С. 36–45).
7. Ян Гус. Московские юбилейные торжества в память 500-летия его кончины. 1415–1915. Русско-Чешское общество его памяти в Москве. М., 1916.
8. *Machovec M.* Husovo učení a význam v tradici českého národa. Praha, 1953.
9. *Palacky F.* Dějiny narodu českého v Čechách a na Moravě. Praha, 1939. D. I.

Варфоломеев Ю.В.

**ПРОБЛЕМА ИЗМЕНЫ И ШПИОНАЖА В ГОДЫ ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ: СЛУХИ, ФАКТЫ, РАССЛЕДОВАНИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ
ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА)**

В статье рассматривается проблема репрезентации информации об измене и шпионаже царствующих особ Дома Романовых в годы Первой мировой войны в контексте политико-правовых последствий для судеб Российской империи. В основе статьи содержится анализ материалов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, проводившей расследование криминальных сюжетов об измене и шпионаже.

Ключевые слова: измена, шпионаж, Николай II, Александра Федоровна, слухи, расследование, Чрезвычайная следственная комиссия.

Varfolomeev Yuriy

**PROBLEMS OF TREASON AND ESPIONAGE
DURING THE FIRST WORLD WAR: RUMORS, FACTS, INVESTIGATION
(BASED ON MATERIALS EXTRAORDINARY COMMISSION
OF INQUIRY PROVISIONAL GOVERNMENT)**

The article deals with the problem of representation of information on treason and espionage reigning persons of the Romanov dynasty during the First World War, in the context of the political and legal consequences for the fate of the Russian Empire. At the fundamentally of the article provides an analysis of materials Extraordinary Commission of Inquiry of the Provisional Government, investigate crime events on treason and espionage.

Keywords: treason, espionage, Nicholas II, Alexandra, rumors, investigation, Extraordinary Commission of Inquiry.

Слухи о предательстве представителей политической элиты России стали распространяться в различных слоях общества с началом Первой мировой войны. При этом А.Я. Аврех точно указал момент эскалации подобной информации. «Слухи об “измене”, – отмечал он, – стали широко муссироваться по стране, начиная с момента галицийского разгрома и отступления весной и летом 1915 г. Здесь мы наблюдаем два параллельных, а иногда и перекрещивающихся потока слухов: в “низах” – в обывательской массе и в “верхах” – в помещичье-буржуазных и даже придворных кругах» [1, с. 80]. Вместе с тем, как считает Б.И. Колоницкий, очень часто встречающиеся в литературе противопоставления развитой культуры

верхов и примитивной культуры низов не соответствуют действительности: «Изучение слухов о Марии Федоровне позволяет предположить, что механизм распространения слухов был более сложным, некоторые слухи «возникли», по-видимому, в народной среде, имели фольклорные источники» [7]. Действительно, не настолько глубоки были различия между слухами «народными» и интеллигентскими», циркулировавшими в «низах» и «верхах» русского общества.

Во взглядах на природу происхождения и каналы распространения слухов существует несколько различных мнений. Общераспространенной является точка зрения о том, что слухи распространялись «сверху вниз»: их генерировали образованные социальные верхи, а затем слухи, меняясь местами, воспринимались уже «массами», «народом». Вместе с тем, очевидно, что наивные мифологемы «подменного» царя, «самозванца» рождались и в «низах» русского общества, а затем уже курсировали «наверх». Кроме того, нельзя не принимать во внимание и то, что в годы войны Германия использовала различные каналы и способы генерирования и распространения подстрекательских, провокационных, возбуждающих слухов в отношении правящей элиты России. Адвокат О.О. Грузенберг, дал четкую формулу происходившего: «Кого полоснет раскаленным словом «измена», – того редко что спасет. Редко что: даже царский венец» [4, с. 67].

Очень точным индикатором восприятия слухов, а затем и их публичной ретрансляции являются дела по оскорблению членов императорской фамилии. Этот вид преступлений обращает на себя внимание экстраординарностью и несвойственностью для российской патриархальной ментальности. Если учитывать исконные верноподданнические чувства народных масс к «царю-батюшке», и веру в незыблемость освященной самодержавной власти, то можно представить, какие глубокие, кардинальные изменения произошли в миропонимании и психологии русских людей и, прежде всего, крестьянства, если в их среде стала обычным явлением хула на царствующую особь. В связи с этим, Б.И. Колоницкий считает, что была «...некая фольклорная традиция оскорбления императорской семьи, она была достаточно развита, и люди реагировали на какие-то события в соответствии с традицией» [7]. Всплеск таких преступлений, как оскорбление царя являлось, безусловно, прямым свидетельством изменений, происходивших в переломное время в сознании людей. При этом Б.И. Колоницкий приходит к парадоксальному выводу о том, что «Очень часто оскорбляя одних членов императорской семьи, они противопоставляли им совершенно других, “хороших” членов императорской семьи» [7]. Это можно представить в виде следующей схемы: «плохой царь – хороший Николай Николаевич, плохой Николай Николаевич – хороший царь, плохая мать царя – хорошая императрица, хорошая императрица – плохая мать царя и т. д.». При этом к царю была, по сути, одна, но очень серьезная претензия – он не выполняет свои монаршие обязанности, так как он «подмененный» царь и, даже, «самозванец», а что же это как не измена?

В годы Первой мировой войны Николай II подвергался еще более грубым оскорблениям и едким насмешкам. Несмотря на ура-патриотическую карикатуризацию Вильгельма II, рейтинг российского императора, по сравнению с ним, был крайне невысок. На фоне воинственного и победоносного кайзера враждебной державы Николай II изображался как «царь-дурак», «царь-пробка» и «царь-баба». Немецкая пропаганда намеренно и нагло противопоставляла русскому импера-

тору Вильгельма II: «Наш царь умный, а вы – дураки, и царь ваш дурак». «Но, как ни странно, – отмечает Колоницкий, – и у русских крестьян и казаков был точно такой же аргумент: царь не выполняет свои профессиональные обязанности» [7]. Русскому царю противопоставлялся деловитый и удачливый Вильгельм II: «Немецкий-то царь 40 лет к войне готовился, снаряды делал да пушки отливал, а наш-то дурак только водку продавал и театры открывал» (совершенно бесполезное дело). Или: «а наш-то пробочник только водку гнал да школы открывал» [8, с. 58]. Другими словами, в глазах народа Николай II выглядел предателем интересов страны, так как не подготовил её к войне.

В еще более негативном ракурсе формировался в годы войны образ императрицы Александры Федоровны, которая и до этого никогда не была популярна в народе. «Как только она приехала в Россию, ее стали называть “гессенской мухой”, – поясняет Б.И. Колоницкий. – Она – дочь герцога гессенского, а гессенская муха – это насекомое-вредитель, уничтожающее посевы злаков. Она не смогла стать популярной, и если до Первой мировой войны это еще было в каких-то рамках, то после возникло множество слухов. Один из слухов – политические обвинения в том, что она предательница» [9]. Яркой иллюстрацией этого является анекдот, записанный в дневнике Р.Б. Локкарта, британского дипломата и разведчика. «Ходит несколько хороших анекдотов, – записал он весной 1915 года. – Вот один из них. Дворец. Маленький царевич плачет. Няня спрашивает его: “Мальчик, ну что ты плачешь все время?” Он отвечает: “Знаешь, няня, когда бьют русских – плачет папа, когда бьют немцев – плачет мама”. То есть, выражая некоторую солидарность с родителями, мальчик вынужден плакать все время, потому что в любой ситуации бьют своих» [10, с. 48].

Однако, наряду с этим, в обществе упорно курсировали слухи, утверждавшие, что императрица не просто симпатизирует немцам, а на самом деле – она «шпионка» и даже «диверсантка». В подтверждение этого из уст в уста передавалась нелепая информация о том, что в Царскосельском дворце находится тайная радиотрансляционная станция. Ходили также слухи о том, что царица является покровительницей спекулянтов, которые осуществляют торговлю с Германией через Швецию. В Германию царица продает хлеб, и это единственная причина того, почему Германия еще держится, несмотря на сложное продовольственное положение. С другой стороны это, якобы, объясняет проблемы с продовольствием в России. Парадоксально, но факт – большое количество людей, и даже из высших сфер общества верили в эти небывлицы. По данным Б.И. Колоницкого существует запись в дневнике фронтового генерала, который оценивает эту информацию как сенсацию. «Нельзя сказать, что он полностью в это верит, но и не отбрасывает как полную чепуху, – отмечает автор. – То есть множество современников верило в такую тайную радиотрансляционную станцию для передачи секретной информации» [7].

Были и политические обвинения другого рода. Говорили, что царь царствует, а правит царица, что царица является фактическим руководителем русского правительства. Действительно, в годы Первой мировой войны влияние царицы возросло, однако, общественное мнение фантастически преувеличило это влияние. Ей вменялось в вину то, что она готовит переворот, хочет сместить венценосного супруга с помощью немецких агентов. Например, когда императрица приезжала в Могилев в Ставку Главнокомандующего, начиналась паника – прятали секрет-

ные документы, боялись, что если документ попадет ей на глаза, то станет известен Германии. «Ходили слухи, – пишет Колоницкий, – что якобы Морской министр специально дезинформировал царицу, и в тот момент, когда должны были прийти русские корабли, их уже ждали немецкие подводные лодки» [9, с. 365].

Слухи о германофильстве Императрицы-немки и ее измене упорно циркулировали в российском обществе с самого начала войны. Но ответа на вопрос, – так ли это, на самом деле, – ждали от Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (далее – ЧСК). Поэтому расследование этого сюжета стало одной из первоочередных и приоритетных задач в её деятельности. Следователь В.М. Руднев, которому было поручено дознание по этому вопросу, провел глубокое и беспристрастное расследование в этом направлении. Им были произведены тщательные осмотры помещений членов Императорской Фамилии и Царских покоев на предмет существования в прямого провода в Берлин. В итоге следователь пришел к выводу: «...никаких указаний на сношение Императорского Дома с немецким, во время войны, установлено не было. При проверке же мною слухов об исключительно благожелательном отношении Императрицы к раненым военнопленным-немцам выяснилось, что отношение Ее к раненым немцам было таким же одинаково теплым, как и к раненым русским воинам, причем такое свое отношение к раненым Императрица объясняла выполнением лишь Завета Спасителя, говорившего, что кто посетит больного, тот посетит Его Самого» [15, с. 39].

Также ослабили подозрения в измене Императрицы и показания И.Ф. Манасевича-Мануйлова, который, ссылаясь на Г.Е. Распутина, заявил на допросе, что царица «стоит страшно за продолжение войны и что про нее говорят неправду, что она стоит за мир. Это он мне много раз говорил искренно, потому что была такая обстановка, что он не врал, – я глубоко убежден в этом. На царя, наоборот, он смотрел так, что царь ненадежный и царь скорее может уступить, чем она» [12, с. 54].

В поисках ответа на этот вопрос ЧСК обратилась и к переписке царя и царицы. По свидетельству члена Комиссии А.Ф. Романова, Муравьев через коменданта Царскосельского дворца «намекнул» Николаю II о том, «...чтобы бывший император сам отдал свою переписку, что тот и сделал, самолично рассортировав и разложив ее по конвертам со свойственной ему аккуратностью» [14, с. 20]. После исследования переписки стало ясно, что она полностью подтверждает слова «старца» и показания Манасевича-Мануйлова. Теперь стало очевидно, что царь и царица отвергали даже самую возможность постановки вопроса о сепаратном мире. В их переписке находим также и объяснение этому факту: все свои надежды на упрочение власти и преодоление революционного кризиса в стране царская чета полностью связывала с военной победой [13, с. 347].

Такие же выводы сделал на основе материалов допросов секретарь Комиссии А.А. Блок: «Я читал показания С.Д. Сазонова, которые он дал следователю. Царь быстро схватывал вопросы внешней политики. Во внутренней был просто не осведомлен. Он и Александра Федоровна относились отрицательно к Вильгельму (случаи свиданий, фразы по этому поводу). Александра Федоровна получила английское воспитание и никаких немецких симпатий не выражала, как и царь <...>. Германофильство выражалось, разве, у Маклакова. <...> Николай II унаследовал нелюбовь к немцам от Александра III» [2, с. 341–342].

Между тем, в марте 1917 г., в самом начале своей работы, ЧСК была направлена по ложному следу. Подобная ситуация возникла в связи со скандальной публикацией озаглавленной «Загадочная переписка Алисы Гессенской с ее друзьями» в газете «Российская республика». В сенсационной статье приводились тексты телеграмм бывшей императрицы и некоего Арнольда Розенталя с мая по октябрь 1916 г. Эти телеграммы, по мнению газеты, давали основание обвинить царицу «в шпионстве в пользу Германии». Только после тщательно проведенной по этой публикации проверки следователем Г.П. Гирчичем выяснилось, что все тексты сочинила и передала репортеру служащая петроградской цензуры за обещание газетчика презентовать ей торт, если она даст ему какой-нибудь сенсационный материал [5, с. 50].

Одним из центральных эпизодов в расследовании ЧСК «царской измены» и шпионажа стал допрос автора скандально знаменитой думской речи лидера кадетов П.Н. Милюкова, послужившей, по сути, сигналом к решающему штурму власти. Лидер кадетов недвусмысленно обвинил власти в «глупости или измене». Сделать выбор он предоставил коллегам. В итоге, большинство депутатов поверили в последнее – «измену» Верховной власти, причем «...даже там, где сам я не был в нем вполне уверен» [11, с. 194], – признался спустя несколько лет автор сенсационных «разоблачений».

Настроение воспаленной подозрительности, зародившись в стенах Таврического дворца, очень скоро передалось всему обществу. «Здесь все потрясены разоблачениями в Государственной думе, – говорилось в письме с подписью “Борис” из Петрограда в Киев К.А. Фармаковской 3 ноября 1916 г. – “У нас чудовищная измена”, – вот что остается от рассказов, которые слышишь от бывших на заседании Думы. Как же воевать, стараться, проливать кровь, когда все делается “для виду”, “так, чтобы не победить”, “так как сепаратный мир невозможен”» [3, с. 150]. Даже после февральской революции, когда монархия прекратила свое существование, подозрения о «чудовищной измене» не развеялись, и когда возник вопрос: «А кого, собственно, мы победили?» в феврале 1917-го, то были варианты: победа над бюрократией, патриотическая победа – «Мы победили немца внутреннего, чтобы победить внешнего». «Для многих это была патриотическая, антинемецкая, может быть даже шовинистическая революция, – считает Б.И. Колоницкий. – Когда рабочие уходили с оборонных заводов, инженеры им кричали: “Что ж вы делаете, ребята? Война идет!”. А они отвечали: “Ну и что, царица сама шпионка”» [7].

«Динамическое состояние», в которое привел общество Милюков своей речью, разразилось в итоге Февральским переворотом, а спустя несколько месяцев после этого, лидеру кадетов пришлось уже перед лицом ЧСК давать пояснения по поводу своего эмоционально-популистского заявления. Только теперь в показаниях следственной комиссии он должен был разъяснить и подтвердить свои обвинения, выраженные формулой «трусость или измена», достоверными фактами, а не слухами или домыслами.

Прежде всего, Милюков сообщил комиссии о стране происхождения подобных слухов. «Когда я приехал в Швейцарию, – вспоминал он, – то там было общее мнение тогдашней эмиграции, что русское правительство, через своих агентов ведет переговоры с Германией. Это считалось общепризнанным» [12, с. 344]. Когда

же он стал доискиваться фактов и конкретных данных по этому вопросу, то ему дали определенную информацию, большая часть которой затем была включена в его речь. Во-первых, эмигранты указали на германофильские салоны в Швейцарии, и, прежде всего, на салон Е.К. Нарышкиной, «перетащенный из Италии». «Туда специально приезжал чиновник, присланный Штюрмером» [Там же], – уточнял Милюков. Во-вторых, думский лидер получил записки некоего Августа Рея, адресованные лично ему, как председателю партии народной свободы. В одной из этих записок содержались сведения о том, что посол России во Франции А.П. Извольский принимает участие в переговорах с германцами и что эти переговоры ведутся через банковские структуры. Причем указывались случаи сношений агентов Извольского с банками [1, с. 344–345].

Тем не менее, П.Н. Милюков так и не смог назвать президиуму ЧСК в ходе допроса неопровержимых фактов, подтверждавших обвинения царицы в измене. «Не знаю, что говорится о ее сношениях, допустим, что они были личного характера, это возможно, но что они были, это, несомненно, – неуверенно и путано пояснял он на допросе. – Я не делаю вывода, что были политические переговоры, но что вызывало сочувствие, для меня это, несомненно» [12, с. 370]. В то же время на просьбу председателя комиссии назвать эти случаи и этих лиц, Милюков так и не смог ничего конкретного пояснить: «Я знал раньше, но теперь не помню, не могу сказать, если вспомню, скажу», – невразумительно ответил он. «Самое сильное место, об Александре Федоровне и об ее связи с этим кругом, я взял из германской газеты» [Там же], – засвидетельствовал Милюков.

Таким образом, Чрезвычайная следственная комиссия в ходе расследования так и не обнаружила фактов измены со стороны императорской четы. «Царь и Царица оказались чистыми...» [6, с. 89], – констатировал К.Д. Кафафов. Однако различные слухи, будоражившие российское общество в годы Первой мировой войны, привели к падению престижа царской власти, её десакрализации, и в конечном итоге – крушению монархии.

Литература:

1. Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.
2. Блок А.А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965.
3. Ганелин Р.Ш. Государственная дума и правительственная власть в перлюстрированной переписке кануна 1917 г. // Отечественная история. 1997. № 1.
4. Грузенберг О.О. Вчера. Воспоминания. Париж, 1938.
5. Завадский С.В. На великом изломе. (Отчет гражданина о пережитом в 1916–17 годах) // Архив русской революции в 22 т. М., 1991. Т. 11.
6. Кафафов К.Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 6.
7. Колоницкий Б.И. Политическая порнография: случай России (1914–1917) // URL:<http://www.leontief.ru/inc2/articles/237/307/basket/kolonizkii.pdf>
8. Колоницкий Б.И. Политические функции англофобии в годы Первой мировой войны. М., 1998.
9. Колоницкий Б.И. Слухи об императрице Александре Федоровне и массовая культура (1914–1917) // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 1. М., 2005.

10. *Локкарт Р.Б.* История изнутри. Мемуары британского агента. М., 1991.
11. *Милуков П.Н.* Воспоминания. М., 1991.
12. Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В 7 т. М.-Л., 1924–1927. Т. 2.
13. Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Пг., 1923.
14. *Романов А.Ф.* Император Николай II и Его правительство (По данным Чрезвычайной следственной комиссии) // Русская летопись. Кн. 2. Париж. 1922.
15. *Руднев В.М.* Правда о царской семье // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 2.

Чолахян В.А.

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: КАВКАЗСКИЙ ФРОНТ,
ПРОБЛЕМЫ БЕЖЕНЦЕВ И ДЕПОРТИРОВАННЫХ**

В статье рассматривается трагическая судьба армянского народа, подвергнутого в годы Первой мировой войны депортации и геноциду. Автор анализирует причины и этапы геноцида, раскрывает механизм уничтожения армянского населения.

Ключевые слова: геноцид, депортация, беженцы.

Cholakhian Vachagan

**FIRST WORLD WAR: THE CAUCASIAN FRONT,
PROBLEM OF REFUGEES AND DEPORTEES**

The article considers the tragic fate of the Armenian people exposed during the First World War, deportation and genocide. The author analyzes the causes and stages of genocide, reveals the mechanism of destruction of the Armenian population.

Keywords: genocide, deportation, refugees.

Первая мировая война явилась определённым переломным рубежом в мировой и в отечественной истории. Российско-турецкий фронт (в источниках и литературе чаще – Кавказский фронт, реже – русско-турецкий фронт) один из пяти фронтов России в Первой мировой войне, образовался на Кавказском ТВД в октябре-ноябре 1914 г. в связи с вступлением Османской империи в войну на стороне Центральных держав, что для России и её союзников оказалось крайне невыгодным.

Страны Антанты предполагали возможность такого развития событий, однако не проявили должной настойчивости для того, чтобы удержать Турцию от этого шага. Германия и Австро-Венгрия, придавая огромное геостратегическое значение Османской империи в своих планах войны с Антантой, наоборот, проявили недюжинные усилия к привлечению её в свои союзники. Лидеры Турецкого государства и правящей партии «Единение и прогресс» в союзе с Центральными державами увидели для себя наиболее реальный шанс не только сохранить статус-кво империи, предотвратить угрозы английской и российской экспансии, но и вернуть ранее утраченные позиции на Балканах и Ближнем Востоке, что, как показало дальнейшее развитие событий, было чистой водой авантюрой.

Для Турции этот фронт постепенно, особенно после ликвидации десанта Антанты в Дарданеллах, стал главным. К началу 1917 г. здесь было сосредоточено более половины всех турецких войск. Для России Российско-турецкий фронт, наоборот, был задворками войны. Об этом свидетельствует множество фактов и документов и, в частности, то, что с конца 1914 и до начала 1917 г. единственным

оперативно-стратегическим объединением, действовавшим против Турции на Кавказском ТВД была Кавказская отдельная армия. В Кавказской армии был значительный процент казачьих кавалерийских и пластунских частей, профессионально подготовленных к ведению боевых действий в специфических условиях горного ландшафта.

На первом этапе войны на крайне правом крыле Кавказского фронта в Батумской области турецкие войска в ноябре 1914 г. перешли в наступление при поддержке восставшего аджарского мусульманского населения. Следствием турецко-аджарского мятежа стала массовая насильственная смерть значительной части армянского населения Батумской области Российской империи. Зверства мятежников не были вызваны какими-либо агрессивными действиями со стороны батумских армян. Их уничтожали именно по национальному признаку. Активное и непосредственное участие в этих преступлениях принимали члены турецкой «Специальной организации» (тур. Teskilat-ı Mahsus). По своей сути они представляли собой полувоенные отряды профессиональных диверсантов, состоявшие из идейных пантюркистов и панисламистов. Формально они не являлись ни солдатами, ни жандармами, ни полицейскими [1, с. 39–41].

После разгрома турецких армейских частей и иррегулярных формирований «Специальной организации» в Батумской области в 1915–1916 гг. состоялись военно-полевые суды над мятежниками. Многочисленные показания свидетелей обвинения подтверждают наличие турецких четников, как организующей и направляющей силы массовой резни христианского армянского населения [2, Л. 3, 66]. Местные мусульмане, поддавшись пропаганде иллюзорных идей пантюркизма и панисламизма, стали смертоносным орудием в руках лидеров «Специальной организации». Кровавые события в Батумской области в конце 1914 г. фактически стали первым актом драмы, известной впоследствии как геноцид армян [3, с. 68–71].

В ходе наступления турецких войск на центральном направлении Кавказского фронта в ноябре 1914 г. картина повторилась: спасаясь от физического уничтожения, десятки тысяч армянских беженцев из районов Басена, Баязета, Диадина, Алашкерта и Карсской области устремились в Закавказье. К началу 1915 г. из Западной Армении и Ирана перебравшись в Российское Закавказье (преимущественно в Ереванскую и Тифлисскую губернии) 49,8 тыс. армян [4, с. 442].

Графиня Александра Толстая в феврале 1915 г. работала в Игдыре (Закавказье) в 7-м полевом врачебно-питательном отряде Всероссийского земского союза. Вот как описывала она свои впечатления об армянских беженцах: «Судьба занесла меня в Игдырь, маленькое, грязное армянское местечко у подножия Арарата. Большинство беженцев – женщины и дети. Мужчин очень мало, – несколько стариков. Грязные, истощенных, почти все больные, едва прикрытые какими-то яркими, цветистыми и грязными лохмотьями, люди эти производят ужасающее, угнетающее впечатление.

И подумать только, что, таким образом одетые, они должны были сделать 150–200 верст, причем им пришлось перевалить через горы, где снег лежит на аршин и где 15–20 градусов мороза! Всего, по словам местных жителей, через Ирдырь прошло от 30-ти до 40 тысяч.

С помощью переводчицы, так как армяне турецкие подданные не говорят по-русски, они кое-что рассказывают мне о своей судьбе. Как только началась война,

курды стали проявлять по отношению к армянам беспощадную жестокость: мужчин убивали, женщин забирали... Больная женщина рассказала, как у нее на глазах убили мужа, детей.., А у ее родственницы перерезали мужа, отца, братьев.., Она умоляла курдов и ее убить, но они ответили, что еще нужна им, и забрали ее.

Другая женщина рассказывала, что она, убегая, не успела одеться; русские солдаты сжалились над ней и дали ей мешок, которым она и прикрылась.

Мне не приходилось никогда видеть таких страданий! Люди эти лишились не только своих семей, близких, родных, – они лишились крова, имущества, лишились всего. И подумать только, что таких людей, как говорят, около 30–40 тысяч!» [5, с. 125].

После поражения турецких войск под Сарыкамышем в январе 1915 г. главнокомандующий Энвер-паша, оправдываясь и пытаясь спасти свой престиж, обвинил армян в предательстве национальных интересов Турции. В феврале против османских армян были предприняты чрезвычайные меры: многие армянские солдаты турецкой армии были интернированы и расстреляны, а у гражданского населения было конфисковано оружие, разрешённое с 1908 г. Посол США в Турции, Генри Моргантау, охарактеризовал это разоружение как прелюдию к уничтожению армян [6, с. 125]. Собранное оружие часто фотографировалось и посылалось в Стамбул в качестве доказательства «предательства», что стало предлогом для общего преследования армян.

Однако до конца марта 1915 г. репрессии к армянам носили скорее публичный и часто предупредительный характер против возможных волнений, что качественно отличает их от более поздних депортаций и убийств. Так, в Алашкертской долине отряды турецких и курдских четников вырезали армянские деревни, что привело к наплыву беженцев в город Ван и распространению сведений об учиненных зверствах.

События в городе Ване в начале апреля 1915 г. считаются официальной причиной депортации армян. В этом городе под предлогом поисков дезертиров и сбора оружия у населения турецкие власти в начале апреля арестовали и убили лидеров армянской общины, а войсковые части, дружины черкесов и курдов окружили плотным кольцом армянские кварталы и открыто разбойничали, грабили и убивали. В свою очередь армяне Вана приняли решение защищаться и ответили отказом на требование турецкого генерал-губернатора о сдаче оружия.

Государственная политика младотурецкого правительства по разрушению армянских общин Анатолии началась 24 апреля 1915 г., когда министр внутренних дел Талаат-паша подписал указ о закрытии всех армянских политических организаций на территории Османской империи и аресте связанных с ними армян. В результате были арестованы более 200 армянских общественных деятелей, что положило начало геноциду армян [7, с. 374]. Аресты видных деятелей армянской общины продолжались с небольшими перерывами в турецкой столице, а также в Битлисе, Эрзеруме и других крупных городах до конца мая 1915 г., при этом никаких обвинений задержанным не предъявлялось. К середине июня почти все они были убиты.

Идею искоренения армянского элемента в качестве первоочередной задачи пантюркизма определил доктор Назым, один из идеологов младотурок: «...Армянский народ надо уничтожить в корне, чтобы ни одного армянина не ос-

талось на нашей земле и забылось само это имя. Сейчас идет война, такого удобного случая больше не будет. Вмешательство великих держав и шумные протесты мировой прессы останутся незамеченными, а если они узнают, то будут поставлены перед совершившимся фактом, и тем самым вопрос будет исчерпан. На этот раз наши действия должны принять характер тотального истребления армян; необходимо уничтожить всех до единого...» [8, с. 89, 408].

Для придания законности массовым репрессиям по отношению к армянам и, несмотря на предупреждение стран Антанты, парламент (меджлис) Османской империи в спешном порядке, по представлению министра внутренних дел Талаата-паши, принял 30 мая 1915 г. закон «О депортации», предписывавший военному командованию подавлять вооруженное сопротивление населения и депортировать подозреваемых в измене и шпионаже [9, с. 374]. Хотя в законе армяне не упоминались, именно для них он был принят. Решение о депортации предусматривало охрану выслаемых и компенсацию утерянного имущества, однако на деле ни одно из этих условий не выполнялось.

Разоружение армян сделало возможным проведение крупномасштабной кампании против всего армянского населения Османской империи, которая заключалась в высылке армян в сирийскую пустыню, где они были обречены на смерть от банд мародеров или от голода и жажды. Депортации подверглись армяне из почти всех основных центров империи, а не только из приграничных районов, затронутых военными действиями. Вначале власти собирали здоровых мужчин, заявляя, что доброжелательно настроенное правительство, исходя из военной необходимости, готовит переселение армян в новые места проживания. Собранные мужчины выводились из населенных пунктов в пустынные места и уничтожались с использованием огнестрельного и холодного оружия. Затем начиналось переселение стариков, женщин и детей: караваны армян направлялись вглубь империи, в Месопотамию и Сирию, где для них создавались специальные лагеря. Армяне уничтожались как в местах своего проживания, так и по пути в ссылку; они подвергались нападениям турецкого сброда и черкессо-курдских разбойничьих банд. Вследствие этого до мест назначения доходила лишь небольшая часть депортированных. Но и дошедшие до пустынь Месопотамии не были в безопасности; известны случаи, когда депортированные армяне выводились из лагерей и вырезались тысячами в пустыне. Отсутствие элементарных санитарных условий, голод и эпидемии стали причиной гибели сотен тысяч людей [10].

Таким образом, младотурецкое правительство спланировало и организовывало механизм депортации и геноцида армянского населения, а непосредственными исполнителями явились не только регулярные турецкие войска, но и черкессо-курдские отряды в составе жандармерии, что позволяло не отвлекать с фронтов крупные воинские части. После окончания Первой мировой войны военный суд в Стамбуле осудил и заочно приговорил лидеров младотурок за то, что они втянули страну в войну и массовые убийства армян.

Несмотря на все усилия турецких властей скрыть следы преступлений, достоянием мировой общественности стали многочисленные факты. Первая реакция международной общественности выразилась в совместной декларации правительств России, Англии и Франции от 24 мая 1915 г., в которой действия младотурецких властей по отношению к армянам охарактеризовывались как

преступления против человечества и цивилизации. В декларации возлагалась личная ответственность за эти преступления на всех членов турецкого правительства, а также на тех его местных представителей, которые окажутся причастными к подобной резне [11, с. 172].

В 1919 г. в Париже были опубликованы тексты двух секретных телеграмм, адресованных министром внутренних дел Турции Талаатом руководителю (вали) г. Алеппо. Оригиналы этих документов попали в руки армян, когда союзные войска заняли этот город. Первая телеграмма датирована 18 ноября 1915 г. Её текст гласит: «Как явствует из недавнего вмешательства американского посольства в Константинополе... в некоторых местностях американские консулы тайными путями добывают сведения. Несмотря на то, что мы ответили, что депортация армян производится в полной безопасности и спокойствии, этого недостаточно для того, чтобы их убедить, постарайтесь же сделать все возможное, чтобы в момент, когда армяне из городов, районов и центров будут в пути, не произошло событий, привлекающих внимание. Очень важно с точки зрения нашей современной политики, чтобы иностранцы, проезжающие по этим местам, были убеждены, что депортация армян производится действительно в целях их перемещения. Важно, чтобы в настоящее время быть предупредительными по отношению к ним и чтобы известные средства (резня – В. Ч.) применялись только в подходящих местах. Что касается тех, кто дает сведения по этому вопросу, то я Вам настоятельно рекомендую арестовывать их и представлять «военному» совету.

Министр внутренних дел

Подписано: ТАЛААТ».

Во второй телеграмме за № 630 от 12 декабря 1915 г. говорится: «Подбирайте и растите только тех сирот из известных лиц (армян – В. Ч.), которые не могут помнить о бедствии, постигшем их родителей. Остальных включайте в караваны депортированных» [12, с. 181–182].

В 1920 г. в Лондоне были опубликованы мемуары главного секретаря комитета младотурок г. Алеппо Наим-бея, содержащие 13 шифровок Талаата и Энвера (со своими фотокопиями) по депортации и истреблению армян [13, с. 29]. В одной из них Талаат приказывал: «Вам уже сообщалось о том, что по указанию Джамиета (руководящего комитета младотурок – В. Ч.) было решено полностью уничтожить проживающих в Турции армян. Те, кто выступает против решения, не могут оставаться на официальных постах. Как бы жестоки ни были принятые меры, должен быть положен конец существованию армян. Не обращайтесь никакого внимания ни на возраст, ни на пол, ни на угрызения совести» [13, с. 30].

Немецкий офицер Армин Вегнер, оказавшись во время Первой мировой войны в союзной с Германией Турции и, став очевидцем массового истребления армян, тайно от турецких властей собирал сведения о страданиях и гибели стариков, женщин и детей, которых гнали в пустыню на верную смерть. «В последние дни я сделал много фотографий, – писал он в дневнике. – Мне сказали, что сирийский палач Джемаль-паша запретил снимать в лагерях беженцев под угрозой смертной казни. Я храню эти ужасающие обвинительные снимки, ожидая возможности передать их в американское посольство в Константинополе. Я знаю, что тем самым иду на государственную измену, но я рад хоть как-то, пусть совсем не-

много, помочь этим несчастным и считаю это самым важным из всего, что когда-либо делал» [14, с. 37].

Циничное заявление Талаата послу США в Турции Г. Моргентау о том, что «я больше сделал за три месяца для разрешения армянского вопроса, чем Абдул-Хамид за тридцать лет», свидетельствует о наличии у младотурок определенной программы истребления армян [15, с. 342].

В результате геноцида армян, осуществленного младотурками в годы Первой мировой войны, погибло около 1,5 млн. чел., около 600 тыс. стали беженцами. Они рассеялись по многим странам мира, пополнив собой уже имевшиеся и образовав новые армянские общины.

В многовековой, многострадальной истории армянского народа до Первой мировой войны было немало примеров насилия, репрессий и перемещений. Однако никогда раньше завоеватели не ставили перед собой цель физического уничтожения армянского населения и его полного изгнания. Армяне занимали видное экономическое, политическое и культурное положение на территории Османской империи до Первой мировой войны и не могли быть источником никакого враждебного отношения к существующей власти. Националистическая политика младотурецкого правительства использовала лозунг «армянской угрозы» для восстановления своего контроля над разваливающейся Империей, при этом сами армяне были поставлены в центр противоречий мировой политики и экономики. В результате вынужденного участия в Первой мировой войне армяне не только лишились своей исконной исторической территории, но и потеряли возможность вернуться на родину.

Литература:

1. Джемаль-паша. Записки 1913–1919 гг. Тифлис. 1923. С. 39–41.
2. РГВИА. Ф. 13138. Оп. 1. Д. 770. Л. 3, 66.
3. *Мартirosян Д.Г.* Трагедия батумских армян. Просто резня или предвестник армянского геноцида? // Родина. 2010. № 4. С. 68–71.
4. *Киракосян Д.Ж.* Младотурки перед судом истории. Ер., 1986. С. 442.
5. Русские Ведомости. 10 февраля. 1915
6. *Моргентау Г.* Трагедия армянского народа. История посла Моргентау. М., 2009. С. 125.
7. Первая мировая война. Энциклопедический словарь. М., 2014. С. 374
8. Цит. по: Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов, под ред. Нерсисяна М.Г. Ер., 1983. С. 408–412.
9. Первая мировая война. С. 374; *Fuat Dündar.* Pouring a People into the Desert. The “Definitive Solution” of the Unionists to the Armenian Question // A Question of Genocide: Armenians and Turks at the End of the Ottoman Empire. P. 276–284.
10. *Моргентау Г.* Трагедия армянского народа. История посла Моргентау. М., 2009; *Джованни Гуайта* Крик с Арарата. Армин Вегнери геноцид армян. М., 2005.; *Morgan J.* The History of Armenia People. From the Remotest Times to the Present day. N.Y., 1949; *Toynbee A.J.* The Extermination of Armenians. The Time History of the War. London, 1916; Геноцид армян и русская публицистика. Ер., 1998; Русские источни-

ки о геноциде армян в Османской империи. 1915–1916 годы (Сборник документов и материалов). Вып. 1. Ереван, 1995 и др.

11. Первая мировая война. С. 172.

12. Цит. по: Киракосян Д.Ж. Младотурки перед судом истории. С. 181–182.

13. *Andonian Aram* The Memoirs of NaimBey. Turkish official Document relating to the Deportation and Massacres of Armenians, London, 1920.

14. *Джованни Гуайта* Крик с Арарата. Армин Вегнер и геноцид армян. М., 2005. С. 37.

15. *Morgenthau H.* Ambassador Morgenthau Story. N.Y., 1921. P. 342.

Замогильный С.И.

ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИЙ УКРАИНЦЕВ В КАНАДУ В МЕЖВОЕННЫЙ И ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Особенность миграций украинцев в Канаду заключается в том, что они расселились на ее территории массово и компактно. В прериях есть не только украинские села, но целые районы. Альберта, Манитоба и Соскачеван – зерновые районы, места их обычного обитания, где они чувствуют себя коренными жителями. К ним было двоякое отношение: первоначально англо-кельтское большинство воспринимало их как общественно-политический подрывной элемент. Однако в глазах федеральной власти украинские поселенцы воспринимались как сельскохозяйственные чернорабочие, а разработка ими так называемых «гомстедов» считалось стимулом ускоренного экономического развития канадского Запада. Украинцы внесли огромный вклад в то, чтобы канадское общество было признано многокультурным: их роль в принятии Акта о мультикультурализме общеизвестна.

Ключевые слова: украинцы, миграции, Канада.

Zamogilny Sergei

PECULIARITIES OF THE UKRAINIANS' MIGRATIONS TO CANADA DURING THE INTERWAR AND AFTERWAR PERIODS

Peculiarities of the Ukrainians' migrations to Canada consist in that they have settled in its territory in an en masse and a compact way. In the prairies there are not only the Ukrainian villages, but entire Ukrainian areas. Alberta, Manitoba and Saskatchewan are grain areas, their usual environment, where they feel themselves as indigenous. Attitude to the Ukrainians was of two minds: original Anglo-Celtic majority saw them as a political subversive. However, in the eyes of the Federal Government the Ukrainian settlers were perceived as agricultural labourers, and the development of their so-called «homsteds» has been considered an incentive for an accelerated economic development of the Canadian West. The Ukrainians have made an enormous contribution for the Canadian society to be recognized as multicultural: their role in the adoption of the Act of multiculturalism is well known.

Keywords: Ukrainians, Migrations, Canada.

Мы переживаем новую волну интереса к фундаментальным проблемам исторического развития народов Евразии в связи с событиями на Украине. Особую значимость эта проблема приобрела в 90-е годы XX века в связи с приобретением Украиной государственного суверенитета. Не случайно, что первое признание Украины за рубежом было связано именно с Канадой. В области объяснения причин истории ученые находятся в поиске новых исследовательских парадигм, свя-

занных с вариативностью её развития в формационном и цивилизационном аспекте. Решение этой проблемы является перспективным для разработки новой концепции биполярного исторического процесса.

Украинская историческая литература на тему «пионерского» периода расселения украинцев ограничена воспоминаниями очевидцев. Научная же литература издавалась исключительно на английском языке [2, 3, 4]. Изучение основ, причин и направления массовой эмиграции украинцев в Канаду в конце XIX – начале XX века предполагает изучение их миграционных потоков. Некоторые канадские публикации говорят даже о том, что первые украинцы прибывают в Америку еще до Колумба, вместе с викингами (поскольку по «норманнской теории» в основе государственности Киевской Руси лежит «призвание варягов» на княжение в Киев). Норманны играли в Руси действительно большую роль, основав первую династию Рюриковичей. Но в вопросе канадских украинцев существует также ряд «перегибов» похожих на фантастические случаи существования древнеукраинских племён в ветхозаветные времена на исторической родине, Украине.

Особенность миграций украинцев в Канаду заключается в том, что они расселились на ее территории массово и компактно. В западных прериях сразу же оседает 150–180 тыс. человек. В прериях есть не только украинские села, но целые районы. Альберта, Манитоба и Соскачеван – зерновые районы, места их обычного обитания, где они чувствуют себя коренными жителями. К ним было двойное отношение: первоначально англо-кельтское большинство воспринимало их не очень благоприятно, принимая украинцев за общественно-политический подрывной элемент. Однако в глазах федеральной власти украинские поселенцы воспринимались как сельскохозяйственные чернорабочие, а разработка ими так называемых «гомстедов» считалось стимулом ускоренного экономического развития канадского Запада. Украинцы внесли огромный вклад в то, чтобы канадское общество было признано многокультурным: их роль в принятии Акта о мультикультурализме общеизвестна.

В Канаде, как и в России, бесспорен вклад переселенцев из Украины в социально-экономическую и культурную жизнь этих стран. В определенной мере лицо Канады связано именно с проблемой украиноканадцев. Большое значение для понимания причин миграций украинцев в Канаду играет аграрный вопрос, связанный с безземельем украинцев на территории Австро-Венгрии, дискриминацией их по национальному признаку. Кроме того, на украинского крестьянина «сваливались» громадные подати, материальная нужда и безработица.

Особенное заключается в том, что в Канаду отток шел именно из Западной Украины, причем на этот факт также влияла активная эмиграция других народов, например, поляков и венгров. Можно выделить в современном украинском сообществе две примерно равных по численности и территории социальных общности.

Одна из этих общностей в качестве референтной группы избирает Россию, вернее, некую ментальную конструкцию, отождествляемую с Россией. Вторая общность традиционно ориентирована на такую же модель, отождествляемую с Западом. При этом Запад редуцирован весьма своеобразной польской цивилизацией. Польша, при всём её колоссальном значении в становлении, в том числе и русской, российской культуры, в социальных процессах полагает, что только она способна царить и властвовать в лице польской шляхты, интеллигенции, совре-

менных и прежних политических лидеров (Ягеллонов, Косцюшко, Бжежинского и т. д.) в России в интересах Запада.

Украинское общество было расколото и во время Второй мировой войны. Канада и Россия были союзниками в этой войне, и в то же время по разным мотивам украинцы оказывались по разные стороны баррикад. На территории Украины были советские партизаны, которые боролись с фашизмом, и бендеровцы – борцы с коммунистами, русскими вообще, евреями, поляками. Говоря о последних, нужно помнить о масштабах т. н. «Волынской резни», или о косвенном участии в подавлении Варшавского восстания дивизии «Галичина» в 1944 году (борьба с Армией Крайовой). Поляки и в Канаде не особенно жалуют своих новых соотечественников украинского происхождения. Хотя все консолидируются на антирусских настроениях.

Одна часть была на стороне Красной Армии, участвовала в партизанском движении, отрядах Ковпака, Медведева, Сабурова. Другая часть в разной форме ориентировалась на Германию, но при этой ориентации между собой враждовали «мельниковцы» с «бендеровцами», как с более молодым и агрессивным крылом и с «бульбовцами». В течение нескольких месяцев было уничтожено около 400 мельниковцев, последние в ответ – ликвидировали свыше 200 бендеровцев. Противоречия между этими группировками в последующем переносились и на территорию Канады. В Канаде же украинская община, как и вся Канада в целом, была мобилизована на борьбу с фашизмом.

После войны на территории Канады оказались некоторые из ее бывших противников, и все это создавало сложную мозаику человеческих судеб, мотиваций, комбинаций и взаимодействий. В Канаду были перенесены все противоречия между различными группировками, сложившиеся в Европе. Первоначальные миграционные потоки носили характер преимущественно трудовых миграций, а после Второй мировой войны в Канаду был сильный акцент в сторону политических миграций: мигрировали как бендеровцы, так и мельниковцы и остатки бульбовцев. Они выступали единым сплочённым фронтом вплоть до распада СССР и образования суверенной Украины, а после этого они уже не знали, что им делать, т. к. никаких рекомендаций своей старой Родине они дать не могли.

Литература:

1. *Волынец А.* Дальневосточная Украина [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://rusplt.ru/policy/ukrainsiy-dalniy-vostok-9962.html>
2. *Young Charles* The Ukrainian Canadians. Toronto: T. Nelson. 1931
3. *Yuzuk Paul* The Ukrainians in Manitoba: a Social History. Toronto: Univ. of Toronto press, 1963;
4. *Stechishin J.* A History of Ukrainian Settlement in Canada/Saskatoon: Ukrainian Self-Reliance League of Canada. 1992.
5. *Himka Paul* Socialism in Galicia: The Emergence of Polish Social Democracy and Ukrainian Radicalism (1860–1890) (Cambridg: Harward Ukranian Research Institute. 1983).
6. *Rudnytsky L.* (ed.). Mykhailo Drahomanov: A Symposium and Selected Writings, special issue, Annals.
7. *Иванова У.* Зеленый клин [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nazaccent.ru/content/11938-zelenyj-klin.html>

Баранов А.В.

ПОЛИТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В УКРАИНЕ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье выявляются риски политизации исторической памяти о Великой Отечественной войне в постсоциалистической Украине. На основе анализа итогов анкетных опросов определено восприятие войны в общественном мнении Украины, установлены каналы конструирования исторической памяти. Внимание уделено противоречивым трактовкам Великой Отечественной войны в «политике памяти» украинских регионов.

Ключевые слова: политика исторической памяти, Великая Отечественная война, Украина.

Baranov Andrey

POLICY OF HISTORICAL MEMORY IN UKRAINE ON THE GREAT PATRIOTIC WAR: ACTUAL PROBLEMS

The article identifies risks of politicizing the historical memory of the Great Patriotic War in the post-socialist Ukraine. Based on the analysis of questionnaires' results the author defines perception of this war in the public opinion of Ukraine, establishes channels of constructing historical memory. Attention is paid to contradict interpretations of the Great Patriotic War in the «policy of memory» of Ukrainian regions.

Keywords: policy of historical memory, the Great Patriotic War, Ukraine.

Актуальность темы статьи в том, что историческая память о Великой Отечественной войне отражает базовые ценности общества. Историческая память в большей мере характеризует мировоззрение современных людей, цели и технологии конструирования их представлений о прошлом, а не реальные исторические факты. Украина – глубоко фрагментированная страна, в которой региональные и этнические сообщества, поколения имеют, подчас, противоположные представления о Великой Отечественной войне. Политика исторической памяти, в зависимости от ее целей, может сближать Украину и Россию либо дистанцировать их друг от друга.

Цель статьи – выявить риски политизации исторической памяти о Великой Отечественной войне в постсоциалистической Украине. Это потребует определить восприятие войны в общественном мнении, установить каналы конструирования исторической памяти.

Источниковая основа включает в себя опубликованные материалы анкетных опросов, проведенных в Украине и в её регионах [1; 2; 3]. Внимание уделено тек-

стам учебников и атласов [4; 5], материалам периодической печати [6], выступлениям государственных лидеров [7; 8] с 2005 по начало 2014 гт.

Степень научной разработанности темы противоречива. В исследованиях историков С.В. Константинова и А.И. Ушакова [9], Е.Ф. Кринко [10], Г. Касьянова [11], Т. Пентер [12], Ф. Гольчевски [13] основное внимание уделено критике постсоветского мифотворчества в учебной литературе, анализу концепций и идеологем историографии. Социологи А. Портнов [14] и А. Тесля [15] определили изменения оценок прошлого в массовом сознании украинского общества. Остаются малоизученными источники формирования исторических представлений, степень эффективности воздействия государственных и партийных трактовок истории на общественное мнение. Слабо учитывается контраст исторического самосознания в регионах Украины.

Методологическую основу составляет концепция исторической памяти, предложенная М. Хальбваксом [16], трактовка этнополитической мобилизации в русле конструктивизма [17, с. 41–49]. Целенаправленное разрушение «образа прошлого», связанного с интересами противников, имеет в действиях постсоветских историков, политиков, журналистов обратную сторону – сознательное конструирование новой исторической «картины мира». А.И. Миллер обобщает методы и идеологемы политизации истории, ее государственного, этнократического и партийного контроля термином «историческая политика» [18, с. 7–32, с. 67–70].

Проведем анализ итогов социологических опросов. 1–5 апреля 2011 г. Украинский центр экономических и политических исследований им. А. Разумкова провел анкетный опрос об отношении ко Дню Победы во всех регионах. Выборка 2009 респондентов старше 18 лет. Теоретическая погрешность выборки – 2,3%.

70% опрошенных сказали, что 9 мая «по-настоящему большой праздник», 24% – «обычный праздник, как остальные официальные даты», 4% – «не праздник, а обычный выходной» и 0,9% полагали, что он должен быть рабочим днем [1]. 66% согласились с тем, что нужно название «Великая Отечественная война». Название «Вторая мировая война» предпочитают 29%, 2% предпочли вариант «немецко-советская война». Сторонников примирения советских и немецких ветеранов в Украине несколько больше (38%), чем сторонников примирения ветеранов Красной армии и УПА (35%) [1].

Для того, чтобы выяснить факторы восприятия, полезно рассмотреть референтные группы, формирующие восприятие событий войны. Анкетный опрос, проведенный международным центром ИМАС-Интернешнл в странах Европы (2005 г.), показал, что о военных жертвах в кругу семьи сообщали в России и на Украине по 60% респондентов, в Германии и Австрии почти 40%, в Польше и Словении 1/3, в Венгрии около 25% и в Чехии – менее 20%. Частые разговоры в семье о Второй мировой войне ведутся преимущественно на Украине (31%) и в России (27%). «Довольно хорошо информированными» о событиях войны считают себя по 72% в России и Украине, а в Германии – 56%, Австрии – 51% [19, с. 67–70]. Серьезные разногласия внутри семьи во мнениях о войне крайне редки в Чехии, России и Украине, что резко отличает эти страны от Германии, Австрии и Венгрии. Таким образом, семья выступает влиятельной референтной группой формирования исторической памяти в Украине.

Территориальные различия в оценке событий Великой Отечественной войны остаются определяющими для украинского общества. Их можно оценить по итогам анкетного опроса 2000 чел. старше 18 лет, проведенного группой «Рейтинг» 25 сентября – 5 октября 2012 г. во всех регионах. Погрешность составляла 2,2%. 25% опрошенных поддерживали идею признать ОУН-УПА борцами за независимость, а 51% – нет, 26% не определились. По сравнению с 2010 г. удельный вес положительно оценивших ОУН-УПА вырос с 20 до 23%, а негативно – уменьшился с 61 до 51% [3]. Выросло количество не определившихся.

Идея признать ОУН-УПА борцами за независимость Украины поддержана более 60% жителей Запада и лишь 25% жителей Центра и Севера страны. Почти 70% жителей Донбасса и всего Юга не одобряют идею признать ОУН-УПА участниками борьбы за независимость Украины. Положительно оценивают ОУН-УПА больше в селах, чем в городах; молодежь, а не пожилые люди. Наибольшее количество не определившихся в оценках – среди молодежи [3].

Следует учитывать и специфику исторической памяти, существующую в полиэтничном сообществе Крыма. Восприятие событий Великой Отечественной войны в русско-украинском и крымско-татарском сознании кардинально различается [20, с. 61–69, 84–94]. СМИ и учебная литература сформировали противоположные «образы войны» в восприятии славян и татар. Эти образы мощно использовались во время воссоединения Крыма с Россией.

Перейдем к оценке официальной исторической политики Украины. Оценка истории Великой Отечественной войны стала зависимой от позиционирования историков: за союз с Россией или с Западом. Из этого следуют полярно противоположные установки: признавать участие УССР в разгроме нацизма Советским государством либо противопоставлять интересы Украины и СССР. Украинцы представляются жертвой «советской тоталитарной империи», которая одинакова по пагубности с нацистской. Несовместимы ориентации публицистов Галичины, для которых Украинская повстанческая армия – герои борьбы за независимость, и Юга и Востока страны, которые дают аргументированную негативную оценку бандеровцев [21, с. 54–55; 22].

В период президентства В.А. Ющенко (2005 – начало 2010 гг.) проводился курс ревизии роли Великой Отечественной войны в истории Украины. Это проявилось в действиях Национального института памяти, в ряде президентских указов о признании С. Бандеры и В. Шухевича Героями Украины, в предоставлении государственных льгот ветеранам УПА-УНСО, в пересмотре образовательных программ и содержания учебной литературы. Но региональная политика закрепила на Западе и Востоке страны противоположные стратегии исторической политики. Это сдерживает возможности государственного контроля над исторической памятью. Так, органы власти Львовской и Ивано-Франковской областей финансируют возведение памятников деятелям УПА-УНСО, переименовывают в их честь географические объекты. Напротив, председатель Луганского областного совета В. Голенко считал в 2009 г., что у законопроекта о признании действий УПА национально-освободительной борьбой нет перспектив. Он заявил: «Это все равно, что всенародно признать Бандеру, эсэсовцев Шухевича и других коллаборационистов, которых осудил Нюрнбергский суд, героями...» [23].

Историческая политика в период президентства В.Ф. Януковича (2010 – февраль 2014 г.) характеризовалась значительным изменением приоритетов. В учебники благодаря усилиям министра образования и науки Д.В. Табачника возвращен термин «Великая Отечественная война», в судебном порядке отменены указы о прославлении Бандеры и Шухевича. Предпринята робкая попытка признать советское знамя Победы [24]. Но избиение ветеранов Красной Армии во Львове 9 мая 2011 г. осталось без наказания. Снижение рейтинга доверия В.Ф. Януковича и правящей Партии регионов заставляло власти уклоняться от обострения конфликта. Судя по интервью влиятельного историка Ю. Шаповала на «Радио Свобода», акцент делался на образ Украины – исторической жертвы воинственных соседей, на страданиях «простых людей» и деидеологизации памяти о войне [25].

Важный аспект – радикализация позиций ведущих партий и блоков Украины в отношении памяти о войне. С весны 2013 г. началась жесткая конфронтация по вопросу юбилея освобождения Украины от нацистской оккупации. Националисты заняли агрессивную позицию. Так, журнал «Украинский тыждень» формировал резко негативное отношение к освобождению Украины, о чем свидетельствуют заголовки статей: «Освобождение от Бухенвальда лагерями ГУЛАГа», «Крово-красная армия: РККА была неотъемлемым институтом преступного тоталитарного режима» и т. п. [26, с. 36–37; 6, с. 50–52]. Заместитель председателя партии «Свобода», депутат Верховной Рады Ю. Сиротюк пояснил отношение к освобождению Украины цинично: «Соседние империи рвали Украину на части, делили между собой. Одни оккупанты освобождали нашу территорию от других». Депутат Ю. Михальчишин, комментируя намерения «Русского блока» праздновать юбилей, заявил, что националисты преградят дорогу: «В Николаеве будет не русский марш, а русский фарш. Поверьте, такое мероприятие – это однозначно очередная провокация пятой колонны, которая продолжает действовать на нашей территории» [27]. Коммунистическая партия Украины и общественные движения, выражающие интересы Востока и Юга страны, воспринимают позитивный образ Победы в войне как важную составляющую своей идентичности. Но непоследовательная политика Партии регионов ограничивала возможности воздействия на общественное мнение. Государственный переворот 22 февраля 2014 г. и последующая агрессия киевского режима против Донецкой и Луганской народных республик, провозглашенных в итоге региональных референдумов, крайне сократили возможности компромисса в исторической политике. Закономерно, что геноцид «схидняков» (жителей Востока страны) сопровождался действиями Вооруженных сил Украины по кощунственному разрушению мемориала героям Красной армии на кургане Саур-могила в Донецкой области.

Итак, историческая память о Великой Отечественной войне в общественном мнении Украины крайне противоречива. Образы войны на Западе страны полярно противоположны оценкам на Юге и Востоке, причем диалог сторон конфликта идентичности не ведется. Оценки «болевых точек» памяти о войне – значения Победы 1945 г. для Украины, оценки УПА-УНСО, депортации крымских татар постоянно являются фактором этнополитической и идеологической конфронтации. Каналы конструирования исторической памяти связаны, прежде всего, с внутрисемейной коммуникацией и СМИ. Государственная историческая политика в Украине крайне непоследовательна. Устойчивыми ее качествами можно на-

звать стремление обособить образ «Украины – жертвы тоталитаризма и агрессии» от «империи зла» – СССР. Вина за трагические аспекты войны возлагается на внешние силы. «Образ войны» воспринимается как важный инструмент политической мобилизации сторонников той или иной партии и, одновременно, средство разграничения «своих» от «чужих». На примере Украины мы наблюдаем провал политики создания сплоченной этнонации на основе трактовок войны, приемлемых лишь для небольшой части глубоко расколотого общества.

Литература:

1. 70% українців вважають День перемоги великим святом. Цікава соціологія. URL: <http://www.istpravda.com.ua/articles/2011/04/29/37267/>
2. Вестник общественного мнения. М., 2009. № 3. С. 5.
3. Украинцы не готовы признать ОУН-УПА борцами за независимость. URL: http://news.liga.net/news/politics/788680-ukraintsy_ne_gotovy_priznat_oun_ura_bortsami_za_nezavisimosti.htm
4. Політична історія України: Навчальний посібник / За ред. В.І. Танцюра. 2-ге вид., допов. Київ, 2008. С. 365–382.
5. Атлас з історії України (1939–2005 рр.). 11 клас / Ред. Д. Ісаєв та ін. Київ, 2009. С. 2–6.
6. *Лосєв І.* Криваво-червона армія: РСЧА буланевід'ємним інститутом злочинного тоталітарного режиму // Український тиждень. Київ, 2013. № 6 (274). 8–14 лютого. С. 50–52.
7. Ющенко: УПА – единственная сторона-победитель в ВОВ. URL: <http://www.aif.ua/politic/news/52556/6>
8. Янукович хочет отметить 70-летие победы в ВОВ на международном уровне. URL: <http://for-ua.com/politics/2013/04/03/162230.html>
9. *Константинов С.В., Ушаков А.И.* История после истории. Образы России на постсоветском пространстве. М., 2001. С. 33–44, 137–142.
10. *Кринко Е.Ф.* Изучение Великой Отечественной войны в российской и украинской историографии: институциональный аспект // Былые годы. Сочи, 2012. № 2 (24). С. 69–77.
11. *Касьянов Г.* «Национализация» истории в Украине // Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. М., 2012. С. 217–255.
12. *Пентер Т.* Українці та «Велика вітчизняна війна»: комплексність воєнних біографій // Україна. Процесинаціотворення / Упоряд. А. Капелер. Київ, 2011. С. 321–336.
13. *Гольчевські Ф.* Суперечлива традиція: ОУН/УПА та націотворення // Україна. Процеси націотворення / Упоряд. А. Капелер. Київ, 2011. С. 307–320.
14. *Портнов А.* Украинские образы Второй мировой войны // Вестник общественного мнения. М., 2011. № 2 (108). Апр.-июнь. С. 86–92.
15. *Тесля А.А.* Социокультурная память и стратегии коммеморации Великой Отечественной войны. URL: http://www.perspektivy.info/history/istoricheskaja_pamat_o_vtoroj_mirovoj_vojne_v_rossii_i_jevrope_2010-05-07.htm
16. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М., 2007.

17. *Ачкасов В.А., Бабаев С.А.* «Мобилизованная этничность»: Этническое изменение политической культуры современной России. СПб., 2000.
18. *Миллер А.И.* Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. М., 2012. С. 7–32.
19. *Кирихофер А. фон.* Население стран Европы о Второй мировой войне // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2005. № 2 (74). С. 67–70. URL: http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/74/s67-70_Journal_Monitoring_74.pdf.
20. Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник / Предс. редкол. П.П.Толочко. Симферополь, 2012. Вып. 16. С. 61–69, 184–194.
21. *Гриневич В.* Парадокс «освобождения»: Як формувався міф про радянське в изволення України в роки Другої світової війни // Український тиждень. Київ, 2013. № 6 (274). 8–14 лютого. С. 54–55.
22. *Бесов А.Г.* Кто и как формирует историческую память о ВОВ в современной Украине. URL: <http://komiunity.ru/sutvremeni/kto-i-kak-formiruet-istoricheskuyu-ramyat-o-vov-v-sovremennoj-ukraine>
23. *Голенко Валерий* После ухода Ющенко настанет время антифашистских законов. URL: <http://antifashist.com/latest-news/111-golenko-nastanet-vremya-antifashistskih-zakonov.html>
24. Табачник обещает вернуть в украинские учебники термин Великая Отечественная война. URL: <http://nam.kiev.ua/index.php?newsid=5345>
25. *Портников В., Шаповал Ю.* Как меняется украинское представление об исторической памяти. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24092021.html>
26. Звільнення від Бухенвальда таборами ГУЛАГу: «Освобождение» України в роки Другої світової війни як форма легітимізації радянської влади // Український тиждень. Київ, 2013. № 6 (274). 8–14 лютого. С. 36–37.
27. *Ивженко Т.* Москалям обещают фарш вместо марша: «Свобода» и «Русский блок» собираются сойтись в рукопашной в Николаеве // Независимая газета. 2013. 28 марта.

Цыплин В.Г.

СПЕЦИФИКА СЛУЖЕБНО-БОЕВЫХ ЗАДАЧ ВОЙСК НКВД В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

В данной статье проводится анализ событий, связанных с выполнением войсками НКВД задач по охране тыла в освобождаемых государствах Европы по нейтрализации подрывной деятельности противника.

Ключевые слова: Вторая Мировая война, антисоветское движение, диверсионно-разведывательные группы

Tsyplin Vitaly

THE SPECIFICS OF THE SERVICE-COMBAT TASKS OF THE TROOPS OF THE NKVD IN EUROPE

This article is the analysis of events associated with the execution of the troops of the NKVD security rear released in the States of Europe to neutralize the subversive activities of the enemy.

Keywords: Second World War, anti-Soviet movement, sabotage group

С выходом Красной Армии за границу СССР, встали новые задачи в охране тыла. В этот период Красной Армии пришлось действовать в трудных и сложных условиях. Враг еще не был сломлен. Верховным Главнокомандованием был дан приказ наступающим частям преследовать врага вплоть до его разгрома и капитуляции. Нельзя было не учитывать, что под угрозой надвигающегося краха сопротивление фашистских войск не уменьшится, неизбежно активизируется насажденная за годы фашистского господства агентура, усилится подрывная деятельность фашистских организаций, враг будет использовать в своих целях различные националистические бандитские формирования, направит свои усилия на разрушение железных и шоссейных дорог, будет стремиться дезорганизовать снабжение населения и войск.

В освобождаемых странах Европы возникало антисоветское движение. Его нельзя считать только результатом деятельности немецкой разведки. Оно, как, например, в Польше, имело свои политические цели, и было определённой реакцией на действия и решения правительства СССР. Так, 5 марта 1940 года в НКВД СССР были пересмотрены в «особом порядке» дела 14700 польских военнопленных, интернированных в 1939 году, к основной массе которых была применена высшая мера наказания – расстрел [1, с. 17–18].

Все это означало, что с перенесением военных действий на сопредельную территорию охрана тыла фронтов приобретала особое значение, и она не могла быть ослаблена.

Для усиления непосредственной охраны и обороны всех объектов тыла были приняты решительные меры. 11 марта 1944 года по фронтам была направлена директива начальника войск по охране тыла Красной Армии № 17/11468179 «О всесторонней подготовке командиров тыловых частей и органов к борьбе с ДРГ и усилению охраны тыловых объектов». В целях повышения боевой готовности частей и подразделений служб тыла Красной Армии для борьбы с ДРГ противника, оставленными противником при отходе, директивой приказывалось потребовать от командиров автомобильных и дорожных частей, а также от органов учреждений и служб тыла немедленно составить и неуклонно проводить план боевой подготовки личного состава своих частей и учреждений, особое внимание обратить на стрелковую и тактическую подготовку. По тактической подготовке большее количество времени предписывалось отвести на оборону расположения своей части, учреждений, объектов обслуживания, складов, баз, мостов, переправ и строительство простейших инженерных сооружений. В автотранспортных и гужтранспортных частях особое внимание обращалось на оборону колонн в пути следования. Каждому командиру части и по прибытии на новое место вменялось немедленная организация круговой обороны своей части и тыловых объектов [2].

29 июля 1944 года ГКО было принято решение с выходом советских войск на территорию Польши, Румынии, Венгрии, Германии, в каждом уездном и волостном центре, наиболее крупном населённом пункте, а также на железнодорожных станциях создать военные комендатуры [3].

Как органам военно-политической и хозяйственной администрации задачи военным комендатурам определялись военными Советами фронтов в зависимости от характера сложившейся обстановки. Но во всех случаях главные задачи сводились к обеспечению общественного и воинского порядка в тылу наших войск, оказание помощи войскам НКВД в выполнении поставленных им задач, проведении в жизнь политики советского государства по отношению к народу, на территории которого проводились боевые операции.

27 января 1945 года Ставка Верховного Главнокомандования дала специальные указания командующим фронтами по вопросу борьбы с диверсионными действиями разбитых войск противника, оставшихся у нас в тылу. В указании подчёркивалось, что в результате продвижения наших войск остатки разбитых соединений противника остались у нас в тылу и группами (отрядами) численностью иногда до 1000 человек и более производят нападения на штабы, склады, аэродромы. Верховный Главнокомандующий приказал провести разведку, вплоть до авиационной, тыловых полос армий фронтов, прочесать лесные массивы с целью обнаружения вражеских банд и их ликвидации, усилить охрану штабов, тыловых пунктов и учреждений, особое внимание обратить на очистку тыла войск, действовавших на немецкой территории [4].

3 февраля 1945 года было принято специальное постановление ГКО № 7467сс по вопросу борьбы с ДРГ на территории Германии.

В постановлении указывалось, что в тылу Красной Армии немецким командованием оставлено значительное количество специальных групп с задачей совер-

шения диверсий и террористических актов против командиров и бойцов Красной Армии, проведения диверсионной работы в целях дезорганизации работы наших коммуникаций. В целях решительной борьбы с подрывной деятельностью противника, ГКО постановил:

1. Командующим фронтами принять решительные меры по предотвращению диверсионной деятельности со стороны враждебных элементов, как против воинских частей, так и против отдельных командиров и бойцов Красной Армии. Жестоко расправляться с лицами, уличенными в совершении диверсионных и террористических актов путем беспощадного их уничтожения на месте преступления.

2. Мобилизовать на территории фронтов всех годных к физическому труду и способных носить оружие немцев-мужчин в возрасте от 17 до 50 лет. Немцев, которые служили в немецкой армии в частях фольксштурма, считать военнопленными и направлять их в лагеря для военнопленных. Из остальных мобилизованных немцев формировать рабочие батальоны по 750–2000 человек и использовать их на работах в СССР [5].

Таким образом, в постановлении предусматривалась система решительных военных и политических мер в целях предотвращения деятельности вражеской агентуры, ДРГ, отрядов, банд в тылу Красной Армии путём лишения людских ресурсов и материальной базы для развертывания такого рода деятельности.

В общем комплексе рассматриваемых мер по усилению борьбы с подрывной деятельностью противника в тылу советских войск в третьем периоде войны важное место занимало кадровое укрепление войск НКВД по охране тыла действующей Красной Армии. После освобождения советской территории появилась возможность вернуть военные училища НКВД в пункты их довоенной дислокации, улучшить размещение курсантов, усовершенствовать учебный процесс.

Ленинградское военное училище из г. Алма-Аты было переведено в Петродворец под г. Ленинградом, где ранее размещалось Военно-политическое училище (Приказ НКВД СССР № 00793 от 9 июля 1944 г.) [6, с. 148].

На базе бывшего Военно-фельдшерского училища в г. Харькове были сформированы курсы по подготовке младших лейтенантов на 480 человек, начавшие функционировать с 1 января 1945 г. (Приказ НКВД СССР № 0253 от 9 ноября 1944 г.) [6, с. 149].

С целью подготовки высококвалифицированных командных кадров военные училища перешли на двухгодичную программу обучения. В связи с тем, что некоторые военные училища часто привлекались для проведения чекистско-войсковых операций и выполнения других оперативных и хозяйственных заданий, выпуск курсантов пришлось задержать. Например, в Харьковском военном училище срок обучения был продлен на один год.

Военные училища, курсы по подготовке младших лейтенантов были основными источниками пополнения войск офицерскими кадрами. Использовались и другие возможности подготовки офицеров. Военнослужащим рядового и сержантского состава, положительно характеризваемым, имеющим образование не ниже 8 классов средней школы, предоставлялось право держать экзамены экстерном по программе военного училища войск НКВД для получения первичного офицерского звания (Приказ НКВД СССР № 77 от 19 февраля 1944 г.).

Продолжилась подготовка офицерских кадров для войск в стенах высших военно-учебных заведений и не прекращалась переподготовка командиров и политработников.

Все это со временем позволило не только удовлетворить потребности войск в офицерских кадрах, но и создать необходимый резерв офицерского состава.

В ходе освободительной миссии Красной Армии на территории сопредельных государств пришлось проводить большую подготовительную и организационно-политическую работу. Военными советами фронтов в войска была направлена специальная директива, в которой подробно излагались правила поведения советских военнослужащих за границей, порядок взаимоотношения с местным населением и местными органами власти, военнопленными, задержанными подозрительными лицами, порядок отношения к местным обычаям, частной и личной собственности. На основе этого постановления командованием и политическими отделами войск по охране тыла были разработаны соответствующие указания о порядке выполнения служебно-боевых задач на территории зарубежных государств.

Литература:

1. Секретные документы из особой папки // Вопросы истории. 1993. № 1.
2. ЦАМО. Ф. 1-го Белорусского фронта. Оп. 15038. Д. 12. Т. 1. Л. 112, 118.
3. Архив ГУ ВВ. Ф. 99. Оп. 0010916. Д. 001. Л. 374.
4. ЦАМО. Ф. 2-го Украинского фронта. Оп. 80961. Д. 35. Л. 58.
5. ЦАМО. Ф. 1-го Белорусского фронта. Оп. 20799. Д. 8. Л. 3.
6. Из истории внутренних войск. Исторический очерк. М. 1978.

Таштекова А.Т.

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается частушечный жанр народного фольклора, имевший место в период Великой Отечественной войны. Проанализированы особенности тематики частушек, определено их авторство и значение.

Ключевые слова: частушка, народный фольклор, фронт, военный период.

Tashpekova Alma

FOLK ART DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article deals with the genre of ditty of the folk art composed during the Great Patriotic War. The peculiarities of their subject are analyzed; the authors and meaning are defined.

Keywords: ditty, folk art, war time, Great Patriotic War, war.

В народном творчестве важное место занимают частушки. Они представляют собой особую сферу духовной жизни и специфическую форму отражения действительности. Частушки служат источником познания художественных, философских, социальных и исторических воззрений народа, несут отголоски его мировоззрения. Текст частушек – это обычно четверостишие, где рифмуются вторая и четвертая строки, также могут перекрестно рифмоваться все строки. Это современный тип народной песни, состоящий из коротких строк и куплетов, содержание которых берется из текущей жизни [1, с. 626].

Частушечный жанр народного фольклора военных лет являет собой замечательный образец органического слияния глубокого патриотического долга с пониманием гуманистического характера победы над фашизмом.

Исследовательская работа по сбору частушек была предпринята еще в ходе войны. Фольклористы считали своим патриотическим долгом зафиксировать всё, что пели в частушках, справедливо видя в этих коротких стихках выражение народных мыслей и чувств. В основном этой работой занимались Государственный литературный музей и Всесоюзный дом народного творчества им. Н.К. Крупской. Была организована сеть корреспондентов, проводились всесоюзные конкурсы собирателей. А в 1944 г. Комитет по делам искусств при Совете Народных Комиссаров СССР организовал фольклорную экспедицию в Сталинградскую (ныне Волгоградскую) область, в места героической борьбы советских войск [2, с. 8]. В том же году вышел первый научный сборник «Фронтовой фольклор» [3].

В 1943 г. были проведены два научных совещания по проблемам фольклора Великой Отечественной войны: в Иркутске, организованное по инициативе исследователя М.К. Азадовского, и затем, более широкое, – в Москве, организованное Всесоюзным домом народного творчества. На совещаниях ставились вопросы о специфике фольклора военных лет, его видах и формах, приемах, методах его собирания и изучения [4, 5].

В конце 1944 г. в Институте этнографии АН СССР был создан сектор фольклора во главе с П.Г. Богатыревым. По существу, сектор стал всесоюзным научным центром, объединившим изучение и собирание военного фольклора [6]. В результате собирательской работы сектора фольклора был создан значительный архив [7, 8, 9, 10]. Наиболее интересную его часть представляют записи самих фронтовиков.

Осенью 1945 г. в Брянской области – крупнейшем регионе наиболее активных партизанских действий – работала совместная научная экспедиция сектора фольклора Института этнографии и кафедры фольклора Московского Государственного университета. В результате поисковой работы было собрано более 2500 частушек.

В последующие годы были опубликованы исследования Л.И. Пушкарева, А.Н. Кожина, Н.О. Лепивахиной и И.И. Скворцова. Однако, еще много проблем, связанных с этим песенным жанром, остаются неизученными. Данная ситуация, на наш взгляд, обусловлена тем, что в определенных ученых кругах сохраняется некоторый скепсис относительно эстетического потенциала частушек.

Между тем в военные годы частушки получили исключительную жизненность и достигли значительной поэтической высоты. Они рождались как бы不由自主но, самой действительностью и вобрали в себя то, чем жил советский народ – его страдания и лишения, его тяготы и горести, его радости и победы.

Частушки отличались большим тематическим разнообразием. Это были патристические, сатирические, любовно-лирические, политические (потаенные) частушки. А также – фронтовые, партизанские, тыловые, созданные в неволе (в плену).

Так, любовно-лирический песенный цикл включает образ старушки-матери, тоскующей по сыну-фронтовику, эпизоды расставания бойца с невестой, трогательные упоминания о письмах на фронт и солдатскую мечту о возвращении в родные края. Содержание песен не замыкается в рамках сугубо личной, интимной темы. В частушках военного периода, пожалуй, ярче, чем когда-либо, проявилось единство личного и общего.

Большой интерес представляют политические (потаенные) частушки. В них показана особая сторона войны, которая, как правило, официально нигде не упоминалась. В них сатирически представлялись взаимоотношения людей, подвергалась критике советская власть, нередко объектом для критики становились руководители страны и т. д. Так, если в любовно-лирических частушках звучит тема женской верности, то в политических (потаенных) чаще – измена, помощь тыла фронту в одном случае и антагонизм фронтовиков и тыловиков – в другом и т. д. [11]. Эти отношения иллюстрировали песни с антитезой «воевали одни – а награды достались другим»:

*Война кончится – придем
С орденами на груди.
Но в тылу «героев» дутых
В каждом штабе – пруд пруди.*

Большую группу составляют песни, в которых звучала тема судеб насильно угнанных на работу советских людей и узников фашистских концлагерей:

*Фашисты в лагерь нас загнали
Близ самого озёрышка.
Кто не пожил в лагерях,
Тот не знает горюшка.*

*Что тоскуешь моё сердце
По весёлым временам?
Наша молодость проходит
По немецким лагерям.
Надоели нам лопаты,
Надоели топоры,
Ещё хуже надоело
«Становися, рус, по три».*

Частушка звучала повсюду – на фронте и в тылу, в партизанских отрядах и во временно оккупированных врагом районах. В перерывах между боями, во время походов и на привале фронтовая частушка вносила бодрость и боевой дух в сердца воинов, воодушевляла их на подвиги, звала к победе:

*Эх частушка, ты частушка,
Слово каждое – снаряд:
Бьёт фашистов по макушкам,
Помогает воевать.*

*Разговаривает пушка,
Помогает пулемет,
А военная частушка
Тоже очередь дает.*

Практически в каждом отряде была своя армейская самодеятельность, в репертуаре которой активно использовался этот жанр. Сохранились записи частушек Белорусского и других фронтов [12].

Иногда частушки создавались большими коллективами – буквально по слову, по строчке. В таких случаях своего рода «штабом по сочинению частушки» становилась та или иная дивизионная газета. Так, например, в газете «На врага», издаваемой на Северо-Западном фронте содержалось обращение к читателям: «Присылайте поправки к написанным уже четверостишиям, присылайте новые куплеты о боевых делах, о наших героях» [13].

Создание частушек коллективными усилиями, а также большая их популярность свидетельствовали о силе и мужестве народного духа, живой, неиссякаемой талантливости народа. Именно в них, в живых народных словах, неразрывно соединились и любовь к Родине, и ненависть к врагу, скорбь по погибшим, радость

победы. Безусловно, права Ольга Берггольц, утверждавшая, что «только благородный народ ... может воевать со стихами на устах, запёкшихся от зноя войны» [14, с. 151].

Характерной чертой языка частушки являлись их выразительность и богатство языковых средств:

*Запевай, земляк, частушку,
Я с тобою запою.
Всех врагов возьмём на мушку
И в частушках, и в бою.*

*Ты припой, припой частушки,
Гармонист, ударь из пушки.
Сталинградский перебор
Смертный с фрицем разговор.*

*Запевай дружной частушки,
Веселее будет жить.
Есть и танки, есть и пушки,
Знаем, чем фашистов бить.*

*Врага били в хвост и в гриву,
Пулеметом, пушкою.
Меж боями, в перерыве,
Боевой частушкою.*

Исполнение частушки, как правило, сопровождалось игрой на гармони или балалайке:

*Ты сыграй, играй гармошка,
А я тебе подпою.
Очищаем от фашистов
Мы республику свою.*

*Ты сыграй, моя гармошка,
А я песню заведу.
Хорошо советски танки
Давят фрицев на ходу.*

*Ты играй, моя гармошка,
Да на полный разворот.
Как Чапаев будем драться,
Если враг войной пойдет.*

Исследуя солдатский фольклор «роковых сороковых» Н.О. Ленивахина и И.И. Скворцов образно сравнивали фольклор тех лет с «котлом, в котором переваривались, перемешивались все народные традиции, а сама война обуславливала его тематику и придавала особый колорит фольклорным произведениям» [10].

Популярность частушек подтверждают и особые способы их передачи: бойцы записывали их на указателях при дорогах, боевых машинах (обычно на бортах грузовиков, на танках и бронетранспортерах). Их можно было обнаружить на листовках, разбрасываемых в прифронтовых населенных пунктах. А в демобилизационный период – на стенках товарных вагонов, в которых воины возвращались на Родину, на стенах вокзалов, на тепловозах, стоявших на путях. Писали чаще всего мелом (на железе эти надписи сохранялись хорошо) или карандашом (на бумаге).

Приведём несколько частушек из коллекции Л.И. Пушкарева. По сведениям автора, они были обнаружены на броне стоявшего на обочине подорвавшегося немецкого танка [10]:

*Шла машина из Берлина
Да нарвалась на мину.
А у нас богато мин,
Хватит нам и на Берлин.*

*Из колодца вода льётся,
Вода – чистый леденец.
Веселитесь, девчата
Скоро Гитлеру конец!*

Таким образом, жанр частушек в период Великой Отечественной войны был широко востребован в силу своей специфической особенности. Этот жанр традиционного фольклора позволял публично обсуждать все проблемы общества – человеческие взаимоотношения, социальные события. Авторами песен могли быть как конкретные люди, так и коллективы. При этом исполнитель частушек зачастую не был ее автором, но в каждый нес определенную ответственность за спетое, поскольку частушка выражала его настроение, его позицию. Значение частушек в годы войны трудно переоценить, они развивали творческое начало, носили воспитательный характер.

Литература:

1. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Современная версия. М., 2003.
2. Соколова В.К. Из истории изучения фольклора Великой Отечественной войны // Советская этнография. 1975. № 3.
3. Фронтвой фольклор / Запись, вступительная статья и комментарии В.Ю. Крупянской. М., 1944.
4. Азадовский М.К. Сопещение фольклористов и сказителей Сибири (21–25 марта 1943) // Новая Сибирь. Литературно-художественный альманах. Кн. 14. Иркутск, 1943.
5. Русский патриотический фольклор // Материалы научно-творческого сопещения. Великая Отечественная война в устном народном творчестве. М., 1945.

6. *Гершкович Б., Крупянская В.* Работа сектора фольклора Института этнографии АН СССР по изучению фольклора Великой Отечественной войны. 1945–1947 гг. // Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР (далее КСИЭ) Вып. VIII, 1949.

7. *Дмитриева С.И.* Материалы по фольклору Великой Отечественной войны, хранящиеся в архиве Института этнографии АН СССР // Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.- Л., 1964.

8. *Пушкарев Л.И.* Письменная форма бытования фронтового фольклора // Этнографическое обозрение, 1995. № 4.

9. *Кожин А.Н.* С частушкой по фронту шагали // Русская речь. 2005. № 3.

10. *Лепивахина Н.О., Скворцов И.И.* Солдатский фольклор Великой Отечественной войны URL: <http://www.razdory-museum.ru>. (дата обращения 19.09.2013).

11. <http://www.centrfolk.ru>. (дата обращения 19.09.2013)

12. Русский фольклор Великой Отечественной войны. М., 1964.

13. На врага: Газета Северо-Западного фронта. 1942. 2 июля. № 183 (370).

14. *Берггольц О.* Ленинградский опыт // Октябрь. 1944. № 1–2. С. 151.

Гузев Д.А.

**РЕФОРМА ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ,
ПЕРЕСТРОЙКА СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ ОФИЦЕРСКИХ КАДРОВ
ДЛЯ ВОЙСК ВНУТРЕННЕГО ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ
С УЧЕТОМ РЕАЛИЙ МИРНОГО ВРЕМЕНИ**

Резкое сокращение войск внутреннего предназначения после окончания Великой Отечественной войны, привело к значительному уменьшению численности офицерского состава войск. В связи с этим командованию войск совместно с органами государственной власти пришлось в экстренном порядке искать пути решения проблемы комплектования войск командным составом.

В статье, используя ранее не опубликованные данные, автор проводит краткий анализ реформы военного образования и перестройки системы подготовки офицерских кадров для войск внутреннего предназначения в условиях мирного времени.

Ключевые слова: войска внутреннего предназначения, военно-учебные заведения, НКВД, офицерские кадры, СССР.

Guzeev Dmitry

**THE REFORM OF MILITARY EDUCATION,
THE RESTRUCTURING OF THE SYSTEM OF TRAINING OFFICERS
FOR THE ARMY AND INTERNAL PURPOSES TAKING
INTO ACCOUNT THE REALITIES OF PEACE-TIME**

A sharp reduction of the armed forces domestic purposes after the end of the great Patriotic war, led to a significant reduction in the number of officers of the troops. In this connection, command of troops, together with the public authorities had to urgently find ways to solve manning command staff. In the article, using previously unpublished data, the author gives a brief analysis of the reform of military education and restructuring of the system of training officers for the internal forces mission in peacetime.

Keywords: army internal purposes, military educational institutions, the NKVD, the officer cadres of the USSR.

После окончания Великой Отечественной войны в деятельности органов государственной власти и командования войск НКВД особое место занимала вопрос подготовки, расстановки и воспитания военных кадров для войск внутреннего

предназначения¹ [1, с. 2]. Вопрос о кадрах – на всех этапах советской истории – это одна из центральных проблем военного строительства и один из главных вопросов политики государства. Говоря о значении офицерских кадров, следует иметь в виду, что им принадлежит решающая роль во всей жизни и деятельности войск. Они являются костяком и цементирующей силой армии, носителями ее славных боевых традиций. От уровня подготовки военных кадров, их умения организовать боевую учебу и воспитание личного состава всегда в решающей степени зависит боеспособность Вооруженных Сил и внутренних войск в том числе. Основой Вооруженных Сил и внутренних войск, как известно, являются офицерские кадры. «Становой хребет армии, основа ее боевой мощи», – такова оценка роли офицерского состава, данная в свое время М.В. Фрунзе [2, с. 215]. Следует отметить, что к концу 1945 г. в связи с резким увеличением общей численности военно-учебных заведений (далее ВУЗ) потребовалось привлечь на командные и преподавательские должности около 900 офицеров. Однако в связи с большим послевоенным сокращением войск, а так же низким образовательным уровнем офицеров находившихся в войсках после окончания войны найти такое количество кадров для ВУЗ было затруднительно.

До конца 1945 года для ВУЗов было подобрано всего лишь 273 человека. Поэтому на 1 января 1946 г. общий некомплект офицерского состава в ВУЗах составил 627 человек. За январь 1946 г. было подобрано еще 78 чел., что снизило потребность в офицерских кадрах до 549 человек. Необходимо отметить, что командование войск и Управление военно-учебных заведений применили комплексный подход для решения этой сложной задачи. Комплектование офицерскими кадрами вновь сформированных ВУЗов происходило за счет создания при школах усовершенствования офицерского состава краткосрочных курсов по подготовке и переподготовке преподавателей, отбора кандидатов из лучших выпускников военных школ и училищ которые желали работать в системе Высшего образования, а так же перевода офицерского состава из частей НКВД и подразделений Красной Армии [3, л. 17].

После окончания Великой Отечественной войны активизировалась работа по улучшению качества офицерских кадров для войск внутреннего назначения (далее ВВП). В первую очередь в ВУЗ были возвращены довоенные сроки обучения. Так, с 1946 г. в военных училищах были установлены сроки обучения 3 года (исключение составляло Высшее военно-морское училище - в котором срок обучения составлял 4 года на командном и 5 лет на инженерном факультетах).

В школах усовершенствования офицерского состава обучались по 10–11 месяцев. Комплектование военно-учебных заведений НКВД – МВД СССР личным составом происходило по следующему принципу: Военный институт МВД СССР (В марте 1946 года на первой сессии Верховного Совета СССР второго созыва был принят закон «О преобразовании наркоматов в министерства». На основании этого закона функции НКВД были разделены между двумя министерствами: внутренних дел и государственной безопасности) [4, л. 219] комплектовался офицера-

¹ Использование термина «войска внутреннего назначения» обуславливается тем, что законодательно наименование «внутренние войска» закрепилось в годы Великой Отечественной войны, и относилось не ко всем войскам НКВД, а только лишь к их части.

ми со средним военным и общим образованием. Московское и Саратовское военные училища – гражданской молодежью и военнослужащими в возрасте от 22 до 24 лет и с образованием 8–10 классов. Все остальные училища и школы комплектовались только военнослужащими (рядовым, сержантским и офицерским составом) с образованием не ниже 8-ми классов (Военно-морское училище 10 классов) [5, с. 104].

Подготовка кадров для ВВП после войны осуществлялась в военных училищах, школах и на курсах усовершенствования офицерского состава, в межкраевых и межобластных школах МВД СССР, а так же в суворовских военных училищах МВД СССР [6, л. 137]. Однако в системе учебных заведений отсутствовали ВУЗы для подготовки кадров с высшим военно-специальным образованием для Министерства внутренних дел СССР. Поэтому в целях подготовки выше указанных кадров приказом МВД СССР № 0246 от 27 июля 1946 г. Высшая офицерская школа МВД СССР была реорганизована в Военный институт МВД. Данный институт по своему статусу был приравнен к Общевойсковой академии им. М.В. Фрунзе. Общая численность слушателей в институте определялась в 720 человек по 130 человек на курсе. Срок обучения был рассчитан на 4 года [6, лл. 137–140].

Опыт войны показал, что войскам, как в военное, так и в мирное время необходимы не только офицеры – командиры, но и офицеры – специалисты. Поэтому 10 июля 1945 г. с целью подготовки офицерских кадров автобронетанковой, оружейной и интендантской служб приказом НКВД СССР № 00457 от 6 мая 1945 г. и приказом Управления военно-учебных заведений НКВД СССР № 02 от 11 мая 1945 г. было восстановлено Харьковское военное училище НКВД СССР [3, л. 104]. Данное училище образовывалось на базе оружейно-технического и интендантских отделений Московского военно-технического училища им. В.Р. Менжинского (МВТУ) и авто-технического отделения Харьковского кавалерийского пограничного училища НКВД им. Ф.Э. Дзержинского (ХКПУ). На комплектование училища прибыли – автомобильно-бронетанковое отделение ХКПУ, оружейно-технического отделения МВТУ и интендантское отделение МВТУ.

30 июня 1945 года на основании приказа НКВД было создано Московское и Алма-Атинское военные училища НКВД СССР. Московское училище начало подготовку офицерских кадров по следующим направлениям – пехотному, связи, радиотелеграфному – который был расформирован на основании приказа МВД от 28 июня 1946 года. В Алма-Атинском училище с 1 октября 1945 года было открыто отделение служебного собаководства со сроком обучения 2 года. Данное отделение укомплектовывалось военнослужащими срочной и сверхсрочной службы войск МВД, имеющих опыт работы со служебной собакой и образованием не ниже 7–8 классов. Так же в училище началось обучение курсантов на пехотном и кавалерийском отделениях. В это же время автотехническое отделение училища в полном составе убыло на комплектование Харьковского военного училища [3, л. 75]. 23 октября этого же года была сформирована Ташкентская школа усовершенствования офицерского состава (далее ШУОС) интендантской службы НКВД СССР.

В данной школе обучение проводилось по двум направлениям [7, л. 2]: усовершенствование офицерского состава интендантской службы и усовершенство-

вание офицерского состава финансовых работников войск (по особой программе). Одновременно с созданием Ташкентской приказом НКВД СССР № 001272 бывшие курсы переподготовки оперативного состава войск НКВД СССР по охране тыла действующей Красной Армии были реорганизованы в школу усовершенствования офицерского состава. Школа была развернута на базе 23 пограничного отряда дислоцированного в г. Каменец-Подольск. В ШУОС наряду с переподготовкой офицерского состава планировалось осуществлять подготовку дивизиона курсантов набранных из сержантского состава срочной и сверхсрочной службы, срок обучения составлял 11 месяцев [3, л. 148]. Ранее в сентябре 1945 года на основании приказа МВД СССР № 00972 от 22 августа 1945 г. На базе курсов младших лейтенантов в Харькове было сформировано военно-политическое училище со сроком обучения 3 года. Численность переменного состава училища предусматривалась в 600 человек. На первый курс в сентябре 1945 г. поступило 154 курсанта из 235 кандидатов [3, л. 112].

В связи с введением в войсках МВД СССР в апреле 1948 г. института заместителей командиров рот и начальников гарнизонов по политчасти были приняты меры к расширению подготовки кадров политработников. С этой целью в 1948 г. в городе Елабуга, Татарской АССР открылось Казанское военно-политическое училище войск МВД СССР, срок обучения в училище был установлен 3 года. Училище подлежало комплектованию военными служащими ВВП с образованием не ниже 8 классов, возраст которых не превышал 25 лет, кандидатами и членами ВКП(б) и должны были готовить политработников среднего звена. За счет не укомплектованности курсантами 2-го и 3-го курсов при Казанском военно-политическом училище в 1948/49 учебном году была организована переподготовка офицерских кадров политсостава войск МВД среднего звена в количестве 300 человек со сроком обучения 9 месяцев [8, лл. 180–183].

Приказом МВД СССР от 10 июля 1949 г. в г. Львове была сформирована Львовская школа усовершенствования политического состава МВД СССР. Численность переменного состава школы была установлена 200 человек. В действие школу планировалось ввести с 15 июля 1950 г. [9, л. 127, 128]. При рассмотрении вопроса о преобразованиях, происходивших в образовательном процессе военных училищ не стоит забывать и об основном профиле ВВП, а именно пехотный. Задача по подготовке специалистов этого уровня лежала на Саратовском и Орджоникидзевском военных училищах, Московском и Алма-Атинском пограничных училищах, Каменец-Подольской школе усовершенствования офицерского состава, а так же курсах усовершенствования офицерского состава открытых при военных училищах.

Стоит заметить, что военные училища того времени являлись многопрофильными по своему составу, так в Саратовском военном училище помимо пехотного отделений были созданы: политическое, интендантское отделения и отделение радиоспециальной связи. Но существование этих отделений в училище было достаточно не долговечным. Уже в 1948 году в училище была проведена реорганизация. Согласно новому штату из состава училища исключались интендантское и политическое отделения, изменялся численный состав училища, упразднялись отдельные циклы, увеличивалось количество пехотных дивизионов. Таким образом, с 1948 года пехотный профиль становится основным для Саратовского военного училища [10, т. 1, л. 27].

В годы Великой Отечественной войны офицерские кадры войск были пополнены значительным числом офицеров прошедших подготовку по сокращенной программе военного времени. Подавляющее большинство этих офицеров приобрело соответствующие практический опыт, но не обладало необходимой теоретической подготовкой. В связи со значительным повышением требований к знаниям офицеров военного дела приказом МВД СССР № 8 от 8 января 1949 года «О подготовке офицеров, не имеющих законченного среднего военного образования» определялось, что все офицеры войск МВД СССР по охране особо важных объектов промышленности и железных дорог, не имеющих законченного высшего образования в период с 1949 по 1954 гг. обязаны были сдать экстерном за полный курс военного училища по специальности [11, л. 10–11]. В основу подготовки экстернов была положена система самостоятельной подготовки по программе военных училищ. В связи с нехваткой учебных заведений по подготовке начальствующего состава для подразделений ГУЛАГ, Главного управления пожарной охраны, Управления конвойной охраны, Главного управления связи, МПВО, Главпромсторя, и Дальстроя МВД СССР Орджоникидзевоу военному училищу была поставлена задача в 1951/52 учебном году – начать подготовку командиров групп (взводов), численность курса составляла 1100 человек. Ежегодный выпуск планировался численностью 550 человек, срок обучения устанавливался 2 года [12, т. 2. л. 4].

Отдельной строкой хотелось бы отметить роль суворовских училищ НКВД-МВД СССР в подготовке кадрового резерва для ВВП. Нужно сказать, что исследователями истории роль данных учебных заведений оценена не в полном объеме. Основные задачи по обучению и воспитанию в Суворовских военных училищах войск НКВД были сформированы в первых приказах НКВД СССР еще в 1943 г. и сводились к трем основным требованиям – воспитывать и подготовить к военной службе в офицерском звании детей офицерского состава войск и органов НКВД и НКГБ, и дать им общее среднее образование; воспитывать будущих офицеров в духе пламенного патриотизма, любви и беспредельной преданности родине; воспитывать всесторонне развитых, культурных, обладающих высоким чувством личной профессиональной и политической честию на основании глубокого уважения к героическому прошлому советского народа и его воинским чекистским традициям [13, с. 48]. В конце хотелось бы отметить следующее – для СССР период с 1945 по 1953 гг. был достаточно непростым. Здесь было все и восстановление инфраструктуры страны пострадавшей от войны, и борьба с бандитизмом в западных областях, и реформа политической системы и много другое.

ВВП как часть государственной системы изменялась вместе с государством. Изменялись и подходы к подготовке офицеров для войск. Рассматриваемый период был для войск переломным и значимым. Войска учились жить и работать в условиях мирного времени, учились, используя новые образцы вооружения и военной техники надежно и эффективно защищать покой мирных граждан. Вместе с войсками изменялись и военные училища. На основании всего вышеизложенного автор считает, что рассмотрение истории становления и развития военно-учебных заведений внутренних войск МВД России является перспективной темой для научного исследования.

Литература:

1. *Гузев А.Н.* Подготовка кадров среднего командного состава для войск ОГ-ПУ-НКВД СССР (1930–1945 гг.) Исторический аспект. Дис... канд. ист. наук. Саратов, 2001.
2. *Фрунзе М.В.* Избранные произведения. М., 1965.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9422. Оп. 1. Д. 219.
4. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 12.
5. *Королев А.Д.* Исторический опыт становления и совершенствования системы военно-учебных заведений пограничных войск, 1918–1991 гг. Дис... канд. ист. наук Москва, 1999.
6. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 38652. Оп. 1. Д. 48.
7. РГВА. Ф. 41091. Оп. 1. Д. 11.
8. РГВА. Ф. 40600. Оп. 1. Д. 164.
9. РГВА. Ф. 40600. Оп. 1с. Д. 191.
10. Исторический формуляр Саратовского военного института внутренних войск МВД России им. Ф.Э. Дзержинского. Т. 1. Глава 1. История строительства и развития военного училища.
11. РГВА. Ф. 40600. Оп. 1. Д. 181.
12. Исторический формуляр Орджоникидзевского высшего военного училища МВД СССР им. С.М. Кирова. Т. 2. Глава 1. История строительства и развития военного училища.
13. *Попов А.А., Плеханов А.М.* От кадетских корпусов России к суворовским военным училищам войск НКВД (МВД) СССР (1731–1960). Исторический очерк. М., Граница. 1998.

Васильченко М.А.

**МЕРОПРИЯТИЯ ПО СОХРАНЕНИЮ БОЕСПОСОБНОСТИ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ВОИНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ
В УСЛОВИЯХ РАЗЛОЖЕНИЯ ФРОНТА И ТЫЛА
(НА ПРИМЕРЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА)**

В статье рассматривается комплекс мероприятий, предпринятый политическим руководством Чехословацкого корпуса для ограждения личного состава от влияния демократизации армии и флота в октябре-декабре 1917 года.

Ключевые слова: Февральская революция, Чехословацкий корпус, Т.Г. Масарик, Зборов, большевики.

Vasilchenko Maxim

**MEASURES TO MAINTAIN THE COMBAT READINESS
OF THE NATIONAL MILITARY FORMATIONS IN TERMS
OF THE DECOMPOSITION FRONT AND REAR
(ON THE EXAMPLE OF THE CZECHOSLOVAK CORPS)**

This article discusses the complex of measures taken by the political leadership of the Czechoslovak corps for the protection of personnel from the influence of democratization of the army and Navy in October-December 1917.

Keywords: the February revolution, the Czechoslovak corps, T.G. Masaryk, Zborov.

Февральская революция 1917 г. ознаменовала собой процессы децентрализации в рядах старой русской армии, произошедшие на волне демократизации русского общества. «Демократизация» негативно сказалась на боеспособности русской армии и привела к развалу фронта и тыла. Одновременно период лета 1917 года был дан толчок к развитию чешских воинских формирований в составе Русской армии. Создание Отдельного стрелкового чехословацкого корпуса совпало с завершением процесса консолидации чешского национального движения вокруг единого политического органа – Отделения Чехословацкого национального совета в России, отстаивающего интересы чехословацких воинских частей перед официальной российской властью. Благодаря ряду политических комбинаций, в результате закулисных интриг чешские национальные объединения в России могли сплотиться под политической властью Т.Г. Масарика, будущего президента Чехословакии, скептически относившегося к возможности России обеспечить независимость чешских земель.

После победы под Зборовом [1] было принято решение о развертывании Чехословацкой стрелковой бригады в одноименный стрелковый корпус, формально относившийся к юрисдикции старой русской армии и подлежащим всем нововведениям Временного правительства в области реорганизации армии и флота.

Эти нововведения были встречены негативно в рядах чешских национальных воинских формирований, несмотря на то, что свержение монархии в России было воспринято с большим воодушевлением.

В условиях разложения русской армии Чехословацкий национальный совет принимает ряд мероприятий по сохранению боеспособности чешских воинских формирований. В это время внутри чешского национального движения стали превалировать идеи о необходимости создания национального государства с опорой на страны Антанты. По мысли Т.Г. Масарика, творца этой идеи, чехословацкие части в России должны были стать основой будущей национальной армии и гарантом национальной независимости Чехословакии.

О степени проникновения разложения на волне демократизации в ряды Чехословацкого корпуса говорят документы, отражающие охранительную точку зрения руководства Чехословацкого национального совета. Так 12 октября 1917 года была принята директива, по вопросу о вступлении солдат Чехословацкого корпуса в армейские комитеты. В этом документе отражалась очень гибкая и продуманная позиция, сводимая к следующей формуле: «в случае если кто-то проявляет противодействие их членству не вступать в комитеты, обосновывая как раз упомянутым противодействием. В случае вступления в комитеты, уклонятся от политических вопросов» [2, с. 851–852].

Запрет заниматься политической деятельностью компенсировался разработкой правового положения чешско-словацких добровольцев в России. В этом документе говорилось о том, что чехи обладают всеми правами, что и русские военнослужащие, за исключением пассивного и активного избирательного права, пребывают в таком положении на период службы и после ухода со службы. Семьи добровольцев пользуются всеми социальными гарантиями положенные семьям военнослужащих и имеют право на получение русского подданства [2, с. 853]. Следует отметить, что пункт 7 предусматривал действие данных обязательств до тех пор, в случае принятия на себя этих прав другим государством [2, с. 853]. Этот пункт в документе указывает на то, что руководство ЧСНС уже тогда рассматривало возможность переподчинения Чехословацкого корпуса иностранному государству.

19 октября 1917 года был издан циркуляр № 21, в нем председатель правления Ф.Н. Шнепп призвал всех членов московского Комитета объединить свои ряды вокруг Комитета. На этот призыв откликнулись солдаты 1-й дивизии, которые своей резолюцией выразили полную поддержку идеи о «поддержке нашего революционного движения». В резолюции говорилось о том, что солдаты пресекали и пресекают «любое вовлечение партийной политики в свои ряды». В этом они видят «опасность раздвоения нашего революционного движения» [2, с. 855–856]. Под раздвоением движения чехословацкие легионеры понимали появление социалистических фракций. Однако не все члены чехословацкого войска единодушно выступили за политику нейтралитета. 25 октября 1917 г. из Киева в Петроград в адрес редакции газеты «Чехословак» пришло письмо от группы чехов. Они осудили

неславянскую позицию ЧСНС о том, что «чешское войско может сражаться только на фронте, но оно не может вмешиваться во внутренние дела России» [2, с. 858].

В целях ограждения частей корпуса от политических распрей в условиях захвата власти большевиками Т.Г. Масарик обращается ко всем военным властям и начальникам, распоряжающимся чешко-словацкими войсками. Он призывает «не пользоваться чешко-словацкими военными частями, в каком бы то ни было виде в настоящей междупартийной распре» [3]. Уже 31 октября вышел приказ № 19 генерала В.Н. Шокорова о запрещении использовать Чехословацкий корпус в «настоящей политической международной распре» [4]. Таким образом, Т.Г. Масарик добился закрепления моратория на не использование чехословаков в надвигающейся гражданской войне в России.

Другой важной политической задачей для лидера чехов было сплотить вокруг себя все колеблющиеся элементы, готовые принять участие в будущем военном конфликте. По его инициативе Московский комитет ЧСНС издал обращение к своим членам, в котором сформулировал главную идею своей деятельности. В нем говорилось: «Чтобы не случилось, имейте ввиду, исключительно, великую национальную цель, которая стоит перед нами, и которая всем нам без исключения велит не вмешиваться во внутренние события России» [2, с. 864]. В данном заявлении чешский комитет самоидентифицировал себя уже как чуждый, иностранный элемент. В нем говорилось: «помните, что мы в этой стране гости и представители народа не только братского, но и экстерриториального» [2, с. 865].

В своем заявлении они призывали сохранить достоинство, национальную и политическую гордость, а также стоять на страже своих национальных интересов. Можно сказать, что политическое руководство Чехословацкого корпуса в этот период времени уже имело четкое представление о необходимости продолжения борьбы за национальные интересы без участия России. Оно активно пресекало любые попытки втягивания отдельных представителей чехословацкого национального движения в предстоящий конфликт.

9 ноября 1917 года, спустя 2 дня после событий в Петрограде, Т.Г. Масарик обратился с воззванием ко всем полкам Чехословацкого корпуса. Этот документ стал итогом более чем двухнедельной борьбы и переговоров за обеспечение нейтралитета. В нем отмечалось, что «была достигнута договоренность с русскими военными учреждениями, что наше войско не будет использовано в политических сражениях русских партий...». Так же он осудил «безответственных лиц, использующих наши войска для полицейских служб и в качестве жандармов [2, с. 874].

Более полно программа Т.Г. Масарика была изложена в его директиве по Чехословацкому корпусу от 14 ноября 1917 г. именованной «на период нынешнего кризиса». Цель данного документа сводилась к двум основным положениям: как вести себя в настоящем кризисе, и как обеспечить корпус и пленных. В директиве отрабатывались несколько вариантов событий.

Первый предусматривал расформирование Чехословацкого корпуса. В этом случае, предполагалось протестовать против такого решения, ссылаясь на революционность чехословацкого войска, договоренности о невмешательстве в русские дела и обязательствах перед правительством Франции об отправке 30 000 чешских добровольцев на Западный фронт. Второй сценарий предполагал заключение мира с Германией исполнительным органом, который будет сформирован по итогам

работы Учредительного собрания (Т.Г. Масарик его именует Временным правительством во главе с Черновым и Правительством признанным всем народом). В этом случае он предполагает заявить о том, что ЧСНС является политическим органом чешской революции, Чехословацкий корпус – армией, полагая, что «с государственно-правовой точки зрения наш народ независим» [2, с. 877].

Третий вариант развития событий предполагал полный разрыв отношений с Россией в случае ее выхода из войны. Тогда чехи будут вынуждены добиваться отправки во Францию. Четвертый и пятый пункты были посвящены возможным вариантам транспортировки частей корпуса. Так предполагалось перевести личный состав корпуса морем через Мурманск и Архангельск, так как дорога на Владивосток казалась им очень затратной. Предполагалось, что в состав корпуса могли вступить французские офицеры, находящиеся в России, а так же русские солдаты и офицеры, пожелавшие служить в Чехословацком корпусе.

На Западном театре военных действий предполагалось использовать чешские части на Итальянском фронте, где уже действовало более 22 000 чешских добровольцев. Пятый пункт предусматривал проработку вопроса о переброске частей корпуса в Румынию. С точки зрения Т.Г. Масарика эта идея могла быть реализована только при хорошем снабжении из России, так как все воинские силы на территории Румынии получали все необходимое с территории России. Он предполагал, что в ближайшее время возможна оккупация Румынии, поэтому использование корпуса на Румынском фронте казалось сомнительным [2, с. 878]. По мнению чешского национального лидера, можно было начать формировать второй Чехословацкий корпус из югославян, поляков, находившихся на территории Российской империи. К этому были все предпосылки.

В отношении большевиков Т.Г. Масарик предлагал руководствоваться формулой: «мы не должны их провоцировать, чтобы они со своей стороны не чинили нам препятствий в нашей работе». Он так же видел свою первостепенную задачу по созданию устойчивых дипломатических отношений с украинцами, которые, по его мнению «сейчас окрепли» [2, с. 877]. Исходя из настоящей директивы, следующим шагом было заключение договора с УНР об условиях временного пребывания Чехословацкого корпуса на территории Украины. В настоящем документе первым пунктом обе стороны договора признавали существования друг друга, причем ЧСНС выступал «как верховный представительный орган освободительного движения чешского народа» [2, с. 895]. Правительство УНР признает ЧСНС единственным представителем чехословацкого народа, находящимся вне пределов Чехии и Словакии. В случае выхода УНР из войны солдаты корпуса получают «право свободного, однако, без оружия, ухода из пределов Украины. В документе говорится о том, что чехи выполняют свое обязательство перед Францией и сохраняют позицию нейтралитета по отношению политическим распрям на Украине. Следует отметить, что этот договор был призван определить систему снабжения частей Чехословацкого корпуса, консолидировать личный состав 1-й и 2-й дивизий и подготовить условия для дальнейшей транспортировки солдат уже на Западный фронт.

Фактически, в период с осени 1917 г. по декабрь 1917 г. начинается планомерная политическая, дипломатическая и идеологическая борьба за сохранение боеспособности и политической благонадежности Чехословацкого корпуса. Призна-

ние Т.Г. Масарика единоличным лидером мирового чехословацкого национального движения дало легитимную возможность объединить вокруг его фигуры различные политические течения в единое национальное движение. Логичное и последовательное отстаивание своей позиции позволило первоначально оградить Чехословацкий корпус от участия в предстоящей гражданской войне. В результате переговоров с Украинской народной республикой обозначить себя как субъект международного права, подписывая договор не от имени вооруженных сил бывшей Русской армии, а от имени чешского народа, выступая его представителем. Заключение договора с Францией дало легитимную основу в рамках международного права на обоснование необходимости скорейшей эвакуации корпуса во Францию. Оно обеспечило юридическую неприкосновенность против требований большевиков о разоружении Чехословацкого корпуса.

Литература:

1. Зборовское сражение (нем. *Schlacht bei Zborów*, чеш., словац. *Bitva u Zborova*) – сражение между российской и австро-венгерской армиями 1–2 (17–18) июля 1917 года во время Июньского наступления (так называемого наступления Керенского).
2. Чешко-словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920. Документы и материалы. Т. 1. Чешко-словацкие воинские формирования в России. 1914–1917 гг. М., 2013.
3. Российский государственный военный архив Ф. 1198-к. Оп. 1. Д. 34. Л. 1.
4. Российский государственный военно-исторический архив Ф. 16093. Оп. 2. Д. 25528. Л. 151.

НАШИ АВТОРЫ

Баранов Андрей Владимирович – доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (г. Краснодар, Россия), e-mail: baranovandrew@mail.ru

Варфоломеев Юрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Институт истории и международных отношений, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, (г. Саратов, Россия), e-mail: ybartho@mail.ru

Васильченко Максим Анатольевич – аспирант, Институт истории и международных отношений, Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, (г. Саратов, Россия), e-mail: Maks-vasilchenko@mail.ru

Галямичев Александр Николаевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории средних веков, Институт истории и международных отношений, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, (г. Саратов, Россия), e-mail: Galyamichev57@mail.ru

Гузев Дмитрий Алексеевич – адъюнкт очной формы обучения, Саратовский военный институт внутренних войск МВД РФ, (г. Саратов, Россия), e-mail: doom-64@mail.ru

Замогильный Сергей Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных наук, Энгельсский технологический институт (филиал), ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (г. Саратов, Россия), e-mail: sizamogilny@mail.ru

Ташпекова Алма Тлекалиевна – кандидат политических наук, профессор, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Саратовского военного института ВВ МВД РФ, (г. Саратов, Россия), e-mail: Alma1983@inbox.ru

Цыплин Витальевич Геннадьевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, Институт истории и международных отношений, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, (г. Саратов, Россия), e-mail: v.tsyplin@yandex.ru

Чолахян Вачаган Альбертович – доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, (г. Саратов, Россия), vcholakhyan@yandex.ru

Шенин Сергей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, Институт истории и международных отношений, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, (г. Саратов, Россия), e-mail: shenins@yahoo.com

OUR AUTHORS

Baranov Andrey – Doctor of Political Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Political Science and Political Management, Kuban State University, (Krasnodar, Russia), e-mail: baranovandrew@mail.ru

Cholakhian Vachagan – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History and International Relations, Saratov State University (Saratov, Russia), e-mail: vcholakhyan@yandex.ru

Galyamichev Alexandr – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of Medieval History, Institute of History and International Relations, Saratov State University, (Saratov, Russia), e-mail: Galyamichev57@mail.ru

Guzeev Dmitry – Adjunct campus Saratov Military Institute of Internal Troops of the Interior Ministry, (Saratov, Russia), e-mail: doom-64@mail.ru

Shenin Sergei – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History and International Relations SSU (Saratov, Russia), e-mail: shenins@yahoo.com

Tashpekova Alma – PhD in political sciences, Senior Lecturer of the Theory of State and Law Department, Saratov Military Institute for the Internal Troops of the Russian Federation Ministry of the Interior, (Saratov, Russia), e-mail: Alma1983@inbox.ru

Tsyplin Vitaly – PhD in History, Professor, Institute of History and International Relations, Saratov State University (Saratov, Russia), e-mail: v.tsyplin@yandex.ru

Varfolomeev Yuriy – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History and International Relations, Saratov State University, (Saratov, Russia), e-mail: ybartho@mail.ru

Vasilchenko Maxim – Graduate Student of Institute of History and International Relations, Saratov State University, (Saratov, Russia), e-mail: Maks-vasilchenko@mail.ru.

Zamogilny Sergei – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Humanities, Engels Technological Institute, Saratov State Technical University, (Saratov, Russia), e-mail: sizamogilny@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

Тема статьи должна соответствовать профилю журнала. Представленный авторский текст может быть подготовлен как единолично, так и в соавторстве. Материал должен быть актуальным и иметь научную значимость.

Статья не должна быть опубликована в представленном виде в других изданиях.

Объем статьи для аспирантов и соискателей – до 8 страниц машинописного текста, для кандидатов и докторов – до 10 страниц машинописного текста. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5.

Материал статьи должен быть изложен в следующей последовательности: 1. фамилия и инициалы автора(ов), 2. название статьи, 3. аннотация (не более 500 знаков, включая пробелы), 4. ключевые слова (5–6 слов или словосочетаний), 5. полные сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, должность, контактный телефон, электронный адрес). Пункты 1–5 должны быть предоставлены на русском и английском языках.

Все необходимые ссылки даются в списке литературы в алфавитном порядке и указываются в тексте статьи в квадратных скобках по мере упоминания с указанием страниц (например – [1, с. 5–6], [2, с. 8]...). Литература оформляется согласно принятым стандартам.

Материалы предоставляются в редакцию по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Аткарская, д. 66, ком. 509 и по электронной почте: lapenkov@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ЕВРАЗИЙСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал

Выпуск третий

Ответственный за выпуск *А.Д. Рассказова*

Отв. редактор *М.В. Лапенко*

Оригинал-макет подготовил *А.И. Жемков*

Подписано в печать 25.10.2014. Формат 70x100 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура БукАнтиква. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,16 (4,0). Уч.-изд. л. 3,7. Тираж 100 экз.

ООО «Издательский Дом «Полиграфия Поволжья»
410600, г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, д. 4

Фонд поддержки научных исследований
«Мастерская евразийских идей»
г. Саратов, ул. Аткарская 66, оф. 509